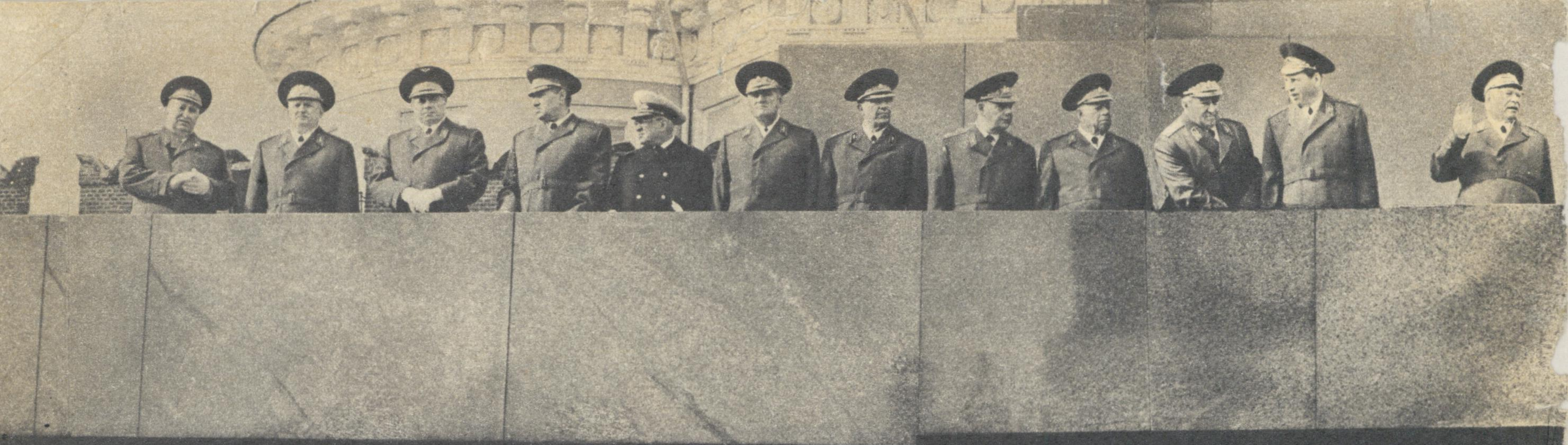

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1983

ЛЕ

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

1 МАЯ 1983 ГОДА

Репортаж с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. ГОСТЕВ,
И. ГАВРИЛОВ, А. НАГРАЛЬЯН

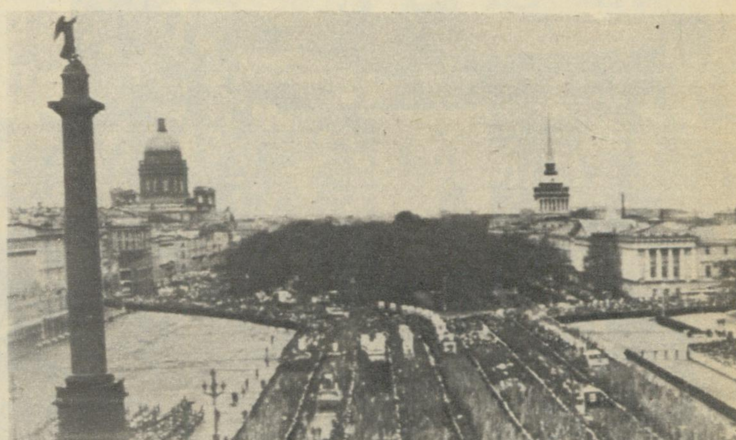

МОСКВА.

ПЕРВОЕ МАЯ 1983

КИЕВ.

ЛЕНИНГРАД.

ДУШАНБЕ.

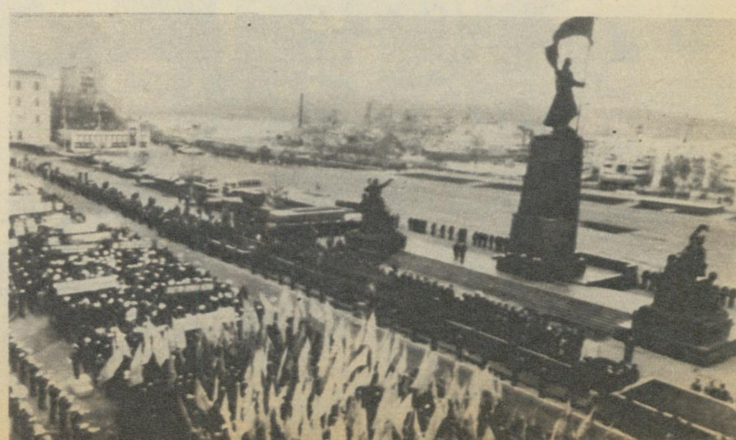

КИШИНЕВ.

АШХАБАД.

ВЛАДИВОСТОК.

ГОДА

Телефото ТАСС

АЛМА-АТА.

ЕРЕВАН.

ВИЛЬНЮС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2912)

7 МАЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Во время переговоров. Фото А. ГОСТЕВА

ПОЛНОЕ ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 3 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыла партийно-государственная делегация Германской Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером.

В тот же день в Кремле состоялись переговоры советских руководителей с партийно-государственной делегацией Германской Демократической Республики.

В сердечной, товарищеской атмосфере участники переговоров обменялись информацией о ходе коммунистического и социалистического строительства в Советском Союзе и ГДР, об актуальных проблемах, на решении которых сейчас сосредоточены усилия их партий и народов.

Было подчеркнуто, что в нынешней международной обстановке особую важность приобретают упрочение единства и сплоченности социалистического содружества, обеспечение надежной безопасности союза братских государств. СССР и ГДР будут и впредь активно содействовать этому.

Была высказана особая озабоченность в связи с планами США и НАТО начать в конце этого года размещение на территории западноевропейских стран нового американского ядерного оружия средней дальности. Делегация ГДР заявила о полной поддержке позиции Советского Союза на переговорах с США по ядерным вооружениям в Европе, которая строго базируется на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон.

В ходе переговоров подтвердилось полное единство взглядов по всем обсуждаемым вопросам.

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов вручил 3 мая в Кремле Генеральному секретарю ЦК СЕПГ, Председателю Государственного совета ГДР Э. Хонеккеру орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

При вручении были товарищи Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, другие официальные лица. Со стороны ГДР присутствовали члены партийно-государственной делегации.

На церемонии награждения выступил тов. Ю. В. Андропов.

С ответным словом выступил тов. Э. Хонеккер.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства сердечно поздравили товарища Э. Хонеккера с вручением высшей награды СССР, пожелали ему новых успехов в его многогранной деятельности на благо дальнейшего процветания ГДР, в интересах укрепления братской дружбы КПСС и СЕПГ, народов Советского Союза и Германской Демократической Республики, во имя мира во всем мире.

Во время вручения награды.

Академик В. П. МИШИН,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

За мирный космос

Я, как все советские ученые, полностью разделяю точку зрения американских ученых и общественных деятелей, направивших Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову телеграмму с призывом в пользу запрещения космического оружия. Появление в космосе любых вооружений значительно увеличит вероятность возникновения ядерной войны на Земле. Советские ученые, так же как и американские, чрезвычайно озабочены готовящимися в США испытаниями противоспутниковой системы, которая может наносить ущерб мирным спутникам других государств.

Космос должен служить только делу познания и мира. На этой позиции твердо стоит наша страна, твердо стоят советские ученые.

Двадцать шесть лет назад запуском первого искусственного спутника Земли Советский Союз открыл человечеству дорогу в космос. За эту четверть века благодаря космонавтике не только значительно изменились наши представления о Вселенной, но человечество смогло по-новому взглянуть и на Землю, наш общий дом. Советские ученые с первых лет создания ракетной, а потом и ракетно-космической техники поставили ее на службу миру и науке. Первые геофизические ракеты для высотных исследований были запущены в СССР.

На базе советской первой межконтинентальной ракеты была создана космическая ракета, позволившая не только развернуть широкую программу научных исследований в космосе с помощью автоматов, но и осуществить впервые в истории Земли полет человека в космическое пространство. «Победы в освоении космоса... достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов»,— эти строки из Обращения партии и правительства нашей страны еще в апреле 1961 года определили мирную направленность советской космической программы, ее интернациональный характер.

Использование космической техники не только раздвинуло границы фундаментальных наук о Вселенной и нашей родной планете, оно приносит уже ощутимую пользу народам многих стран. Спутники связи сблизили между собой государства и континенты, позволили людям разных стран лучше узнать и понять друг друга. Созданная в гуманных целях международная система спасения потерпевших аварию судов и самолетов уже позволила сохранить жизнь нескольким десяткам людей. Мы все помним один из крупнейших проектов в истории Земли, осуществленный совместными усилиями ученых СССР и США. Я говорю о стыковке на орбите космических кораблей двух стран, когда рукопожатие в космосе советских и американских космонавтов, казалось, станет залогом самого широкого сотрудничества наших стран в использовании достижений космонавтики для познания и мира.

К сожалению, надежды эти не оправдались. И в этом вина не нашей страны, готовой к расширению международного сотрудничества. Ярким примером такого сотрудничества стала программа «Интеркосмос».

Иначе повела себя администрация США. Свернув до минимума совместные работы в космосе с нашей страной, США стали одновременно пересматривать и свою космическую программу в интересах милитаристских кругов. Как отметил в своем ответе на телеграмму группы американских ученых и общественных деятелей Ю. В. Андропов, «Советский Союз... предложил заключить Договор о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода. Проект такого договора был представлен нами в Организацию Объединенных Наций еще в августе 1981 года. Претворение в жизнь этого советского предложения, в поддержку которого проголосовало подавляющее большинство государств — членов ООН, означало бы, что попыткам превратить космос в источник смертельной опасности для людей был бы поставлен надежный барьер.

К сожалению, работа над проектом подобного договора в Комитете по разоружению до сих пор по существу не начата ввиду позиции США и ряда других государств НАТО».

Ученые разных стран должны объединить свои усилия в защиту мирного космоса, открывающего безграничные перспективы улучшения жизни всех народов нашей прекрасной голубой планеты.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1980—1982 гг.

Махмуд ДЕРВИШ,
поэт, общественный деятель
(Палестина)

Микис ТЕОДОРАКИС,
композитор,
общественный деятель
(Греция)

Джон МОРГАН,
пастор, общественный деятель
(Канада)

Либер СЕРЕНЬИ,
политический
и общественный деятель
(Уругвай)

ЛУЧШИЙ НАСТАВНИК — БРИГАДА

Наверное, не ошибусь, если скажу, что при обсуждении проекта Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями особое внимание и острые дискуссии вызывает статья девятая, посвященная полномочиям трудовых коллективов в обеспечении трудовой дисциплины.

И это понятно: для честно работающего человека нет более нетерпимой фигуры, чем лодырь, прогульщик, нарушитель, наплевательски относящийся к главной, святой обязанности каждого советского гражданина — добросовестному труду на благо общества.

Наше объединение по праву считается лидером своей отрасли. Добрая слава «Электросилы» завоевана упорной, нелегкой работой. Мы знаем дорогую цену времени, в большинстве своем умеем беречь его, однако вот факт, от которого, что называется, не спрячешься: за счет прогулов, текучести и прочих аномальных явлений в прошлом году мы потеряли полный рабочий день двух крупных цехов. Так наглядно можно выразить наши потери в человеко-днях. И хоть положение с дисциплиной на «Электросиле» год от года улучшается, подобное расточительство не может не вызывать тревоги: ведь порождено оно не какими-то не зависящими от нас причинами, а заурядной расхлябанностью, безответственностью отдельных людей.

Как воздействовать на них? Конечно, внешне самый простой путь — это избавиться от нарушителей, уволив их. Но в государственном масштабе толку от такого скоропалительного решения будет немного. Рабочие требуются на всех соседних предприятиях, и мы, «переадресовав» им прогульщика, всего-навсего переложим груз своей безответственности на чужие плечи.

Нет, нужен другой путь. И думая о нем, я с благодарностью вспоминаю нашего замечательного наставника, Героя Социалистического Труда Степана Степановича Витченко, смело взявшего на себя заботу о судьбах многих так называемых «трудных» подростков.

Его первые воспитанники продолжили начатое им благородное дело, а всего за минувшие годы уже около двухсот ребят прошли школу воспитания этим замечательным коллективом, стали отличными производственниками, уважаемыми на предприятии людьми.

Опыт Витченко, начатого им движения наставничества лишний раз убеждает, что внимание к человеку, забота о нем — это лучшее лекарство, которым мы можем и должны лечить наши дисциплинарные недуги. И здесь невозможно переоценить значение бригадного метода работы, когда каждый человек находится на виду у товарищей, на практике, а не на отвлеченных примерах постигает нормы коммунистического общежития.

Позволю сослаться на пример нашей бригады. На один наряд мы начали трудиться еще в 1967 году. Подобного опыта коллективной работы токарей-карусельщиков, занятых на обслуживании сразу четырех станков, ни у кого не было, так что нам пришлось самостоятельно решать немало не только организационных, технических, но и психологических задач.

Считаю, что справились с ними успешно. Бригада наша на хорошем счету; все узлы и детали маркируются личным клеймом и сдаются с отличной оценкой, постоянно растет производительность, и сейчас, например, на нашем трудовом календаре уже конец нынешнего года. Вместо двадцати семи человек по норме у нас занято всего шестнадцать, и за все эти годы практически никто не имел никаких нарушений трудовой дисциплины. Быстро растет молодежь. Вчерашние подручные С. Волошенко, В. Жуков стали прекрасными токарями, готов заменить любого из ветеранов недавний новичок Ф. Симонов.

Глубоко убежден, что все достигнутое нами — результат коллективной ответственности людей за общее дело. Никто насильно не сгонял нас в бригаду, тернистый поначалу путь мы выбрали сами и сами преодолели все препятствия, учась и помогая друг другу.

Не все, конечно, было гладко. С горечью вспоминаем товарища, который не раз подводил нас в нелегкие дни становления бригады. Мы делали для него все возможное и даже упросили однажды администрацию отменить уже имевшийся приказ о его увольнении. Не помогло. Заботу о себе он воспринимал как нечто само собой разумеющееся, думать же о других не хотел совершенно. Пришлось все же расстаться.

Подобных людей в нашем обществе немного. Но они есть. И, как показывает опыт, либеральничать с ними — значит оказывать плохую услугу и им самим и обществу, к интересам которого они глухи и равнодушны.

С понятным возмущением говорилось о таких нарушителях на нашем собрании. Например, парторг цеха обмотчик Ю. Иванов предложил за опоздания на работу, преждевременный уход с нее лишать виновного права на дополнительный отпуск, а лиц, допускавших подобные нарушения неоднократно, решением общего собрания переводить на нижеоплачиваемую работу.

Бригадир слесарей Д. Молчанов считает необходимым предоставить общим собраниям, товарищеским судам полномочия наказывать прогульщиков, пьяниц принудительными работами с вычетом из зарплаты до 25 процентов на срок от трех месяцев до года. А мой коллега из соседнего цеха великолепный токарь-карусельщик Ю. Сидоров особо подчеркнул, что нельзя допускать увольнения нарушителей трудовой дисциплины по собственному желанию.

Были и иные предложения, вплоть до того, чтобы заставлять нарушителей в обязательном порядке возмещать нанесенный производству ущерб работой в воскресные и праздничные дни. Целесообразность каждого предложения тщательно проанализируют соответствующие комиссии, мне же хочется заметить, что уже сам ход обсуждения проекта Закона о трудовых коллективах показал, насколько он отвечает нашему стремлению навести порядок в собственном доме, дать решительный бой нарушителям всех рангов и мастей.

Разумеется, не только вопросы укрепления дисциплины волнуют ленинградцев. Есть предложения предусмотреть в проекте закона экономические санкции к тем, кто срывает договорные поставки и тем самым дезорганизует работу смежников; многие считают целесообразным повысить ответственность за технологическое обеспечение производства; сделать обязательными периодические отчеты руководителей предприятий перед трудящимися о личном их вкладе в улучшение деятельности коллектива... Одним словом, идет большая, поистине всенародная работа, направленная на то, чтобы еще более повысить роль трудовых коллективов в совершенствовании организации труда, его условий, в усилении режима экономии, в коммунистическом воспитании людей, в развитии социалистического соревнования.

Убедительным примером высокой политической активности советских людей, претворяющих в жизнь решения XXVI съезда КПСС, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС, является обсуждение данного проекта Закона СССР. Характерно, что именно в эти дни ряд передовых коллективов Ленинграда и области выступил с почином, одобренным бюро обкома партии: в честь 25-летия начала движения за коммунистическое отношение к труду завершить в текущем году программу 3,5—4 лет пятилетки.

«Нам, ленинградским рабочим, близки и дороги слова Владимира Ильича о том, что «коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная... забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов...»,— говорится в обращении.— Мы призываем коллективы бригад, участков, рабочих развернуть соревнование за принятие дополнительных повышенных обязательств, направленных на то, чтобы завершить в текущем году задания 3,5—4 лет пятилетки, выпускать продукцию только отличного качества. Это будет нашим вкладом в подготовку к 80-летию II съезда РСДРП, а также к предстоящим знаменательным датам — 60-летию переименования Петрограда в Ленинград и 40-летию полного освобождения города Ленина от фашистской блокады.

Всецело поддерживая ленинскую внешнюю политику, политику мира, мы отдаем себе отчет в том, что добросовестный труд каждого из нас — это вклад в укрепление экономического и оборонного могущества Родины, это и наш рабочий ответ заокеанским «крестоносцам» антикоммунизма...»

С таких высоких позиций рассматривают ленинградцы свою работу. И потому столь горячо и заинтересованно обсуждают проект закона, в котором видят новое проявление заботы партии, Советского государства о дальнейшем развитии социалистической демократии, о том, чтобы каждый труженик чувствовал себя хозяином на своем предприятии и представителем всей страны.

П. ИВАНОВ,
бригадир токарей-карусельщиков электромашиностроительного производственного объединения «Электросила», лауреат Государственной премии СССР

Ленинград.

Николай БЫКОВ, Александр ЩЕРБАКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЗЕМЛЯ: ПАРТНЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ

Каждый солнечный день, каждый теплый порыв ветра напоминают о новых заботах селян. Сегодня, как никогда, мы все живем интересами тех, кто практически повседневно занят производством хлеба, мяса, молока, яиц, овощей, фруктов... Продовольственная программа — новый этап современной аграрной политики партии. Немногим менее года миновало после майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, решения которого предполагают активное участие всех трудящихся в деле бесперебойного обеспечения населения продуктами. Первые месяцы существования сложнейшей социально-экономической структуры — аграрно-промышленного комплекса страны (АПК) — обнадеживают. Упразднены не оправдавшие себя тресты и другие многоступенчатые управленческие звенья. «Необходимо создать такие условия — экономические и организационные,— которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость»,— сказал Ю. В. Андропов. И вот повсеместно созданы районные агропромышленные объединения — РАПО. Таким образом на селе вступили в свои права принципиально новые органы управления. Утверждаются правовые и договорные взаимоотношения между партнерами по РАПО, научно обоснованный и экономически оправданный подход к делу, самостоятельность и предприимчивость тех, кто руководствуется Продовольственной программой, интересами колхозов и совхозов.

Наши специальные корреспонденты побывали в Воронежской области и накануне полевых работ познакомились с буднями Лискинского, Рамонского, Новоусманского районных агропромышленных объединений. Сегодня «Огонек» рассказывает о первых шагах РАПО — о земле и партнерах на земле, о процессах обновления жизни села, о поступательном движении весны в местах хлебородных и славных в истории отечественного земледелия.

I

Земля, земли, земле... Вот она, о которой во все времена так много говорили, которая была и вожделенной мечтой, и лозунгом классовых схваток, матерью для одних и мачехой для других, кормилица, средство производства, забота о котором и посегодня охватывает дела и помыслы миллионов людей. Как много значит необъятное понятие «земля»! Это слово и писать-то грех с маленькой буквы — так велик его смысл, так много оно заключает в себе, потому что власть земли не метафора, но одно из слагаемых в формуле жизни, формуле строго экономической. Земля и хлеб, хлеб и достаток, достаток и социально-культурное развитие, земля и мир — все это взаимосвязано.

Мы ступили на поле, которое трудно выходило из тяжелой зимовки. Землю пóля тогда только что нехотя отпустили из своих белых объятий неурочные поздние морозы. Медленно оправлялась изжелта-зеленая озимь. Хотелось поднять к солнцу каждый лист слабо раскустившейся пшеницы. Как много надежд связано именно нынешней весной с этим и с тысячами подобных ему полей!

Земля — селекционер суровый, строгий. Не экзаменатор, но именно селекционер. Земля не спрашивает, она ждет действий во благо ее и тех растений, которые она поднимает к солнцу, и судит людей по их поступкам на поле. Вот почему всех, кто никакой не хозяин, кто не знает и знать не хочет долговременной программы забот о плодородии поля, тех земля, обреченная на бесхозность, отторгает. И лишает урожаев, привесов, реальных доходов, благосостояния, культуры в изначальном смысле этого слова.

Это чувство, а точнее, нужда всеединства по-новому ориентирует и нашу экономику — на интеграцию, на кооперирование как дополнительные условия процветания самых разных отраслей народного хозяйства. С этих позиций в «Огоньке» не раз освещались пути постепенного перехода к созданию агропромышленного комплекса, в частности территориальных коопераций, апробированных в Абашском районе Грузии и Талсинском районе Латвии. Опыт этих и других РАПО и лег в основу типового Положения о районном агропромышленном объединении. И, как не раз уже говорилось, цель РАПО — не очередная реорганизация, не перестановка известных малопродуктивных слагаемых, а кооперация во имя всеединства жизни на земле. Объединение усилий партнеров, живущих и работающих на земле, во имя п о л я, его процветания и экономической мощи. До майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС возможности поля раздирали сугубо ведомственные интересы. А поле-то одно, земля одна. Одна на всех нас.

РАПО — новый знак интеграла. В основе принятой теперь системы управления сельским хозяйством в первую очередь — интересы колхозов и совхозов. А более конкретно: воспроизводство почвенного плодородия. Тут целая наука! На земле действует закон в о з в р а т а, нарушение которого ведет к истощению пахотного слоя. Земля требует и защиты — от эрозии, от невежества горе-хозяев, от сторонних посягательств тех, кто «с ложкой». Как же кстати тут изречение насчет того, что в сельском хозяйстве можно обойтись и без мудрости, но оно не терпит глупостей... Фундамент РАПО — консолидация научных и технических достижений, призванная защитить, оградить землю от всех сил разрушения.

В нынешнем, 1983 году будет отмечено 100-летие с того дня, когда вышла в свет знаменитая монография Василия Васильевича Докучаева «Русский чернозем». Эта дата дорога не только для специалистов, почвоведов, но и для всех, кого не может не волновать многотрудная история отечественного земледелия, судьбы русских почв, русских полей. Подвиг В. В. Докучаева свершен на земле Воронежской области. Его талантом, его энергией в исторически короткий срок была возвращена черноземам Каменной степи их былинная мощь. На пути суховеев и пыльных бурь встали докучаевские зеленые ветроломы. Великий русский почвовед на долгие годы определил стратегию и тактику земледельцев центрально-черноземных областей. Преобразованная Каменная степь — живой памятник В. В. Докучаеву, патриоту, человеку осознанных поступков, автору системы воспроизводства плодородия. Система есть, а плодородие?

— Наша здешняя степь, — заметил в разговоре председатель совета Лискинского РАПО А. Д. Левченко,— ни в какое сравнение, конечно, не идет с Каменной степью. До нас черноземы, увы, не дошли... Так что нам думать прежде всего о земле-матушке. Все от ее здоровья!

Здоровье земли... Эта озабоченность так понятна. Александр Данилович двенадцать лет возглавлял правление колхоза «Красная звезда». Ему и таким, как он, хозяйственникам по призванию, практикам земледелия, теперь и карты в руки.

— Почвенные карты! — уточнил не без значения Александр Данилович.— В нашей области определены несколько почвенно-климатических зон. Да что в области! В одном нашем Лискинском районе мы узаконили пять зон, по почвам. Так сказать, вступила в свои права земельная рента. Дифференциация. Без нее нельзя. А то ведь годами плановые органы верстали задания по принципу «всем сестрам по серьгам»...

Уж это-то знакомо. Известно и то, к чему ведет насилие планового «вала» над природой поля. Хлеб — всему голова? Да, разумеется. Но хлеб не только для нас, людей, для нашего стола, а и фураж, концентраты, комбикорм для животных. Об этом как-то забывали, не думали еще вчера. Так вот, Продовольственная программа имеет в виду изменить самую структуру посева зерновых и бобовых культур, выправить «хлебный крен» так, чтобы поля давали фуражное зерно для свиней, птицы, для откорма крупного рогатого скота. Заданность — ч е г о и н а к а к о й площади сеять—привела, не только в этой области, к монокультуре колосовых. А животноводство без зернобобовых росло медленно, не набирала должной силы и комбикормовая промышленность. Вот когда стала понятной первая забота совета Лискинского РАПО и его председателя А. Д. Левченко о дифференциации хозяйств и полей по почвам. Разные почвы — разные нагрузки, разные меры по восстановлению плодородия, разные закупочные цены на молоко и мясо... С этого и начал совет РАПО в Лискинском районе. Так и во всех тридцати двух РАПО Воронежской области.

Тревогу о здоровье земли объясняет еще и тот факт, что, если, например, производство зерновых в Белоруссии за последние лет пятнадцать возросло более чем вдвое, то в благодатных областях центрально-черноземной полосы из-за нарушений травополья, из-за печально известной пропашной «системы» урожаи растут медленно, а реальных сборов зерна явно недостаточно. Одна из причин — медленное воспроизводство плодородия, которое ученые определяют количеством гумуса, то бишь перегноя, концентрата питательных веществ. Область в целом производит немало, например, кормовых единиц на гектаре. Но дело все в том, что никакого «целого» на земле нет! Есть реальное состояние различных почвенных зон, есть нужда в строго дифференцированном подходе к разным полям — единственному пока источнику продовольствия и кормов. Таким образом, заботу А. Д. Левченко о здоровье земли надо понимать как заботу о неукоснительном соблюдении закона в о з в р а т а, заботу о севооборотах, о полезащитном лесоразведении. Еще К. Маркс утверждал, что земля при правильном обращении с ней постоянно повышает плодородие. При правильном обращении!.. Но воронежцам известно, что на фермах царит концентратный тип кормления. Овраги разрывают поля области, водная эрозия ежегодно пожирает по «колхозу». И это на земле докучаевского подвига!

— РАПО, по существу, против унификации в земледелии, против шаблона, — согласен и первый секретарь Георгиудежского горкома партии Иван Андрианович Ивлев.

Как было не порадоваться тому, что Иван Андрианович понимает РАПО как орган власти сугубо демократический, призванный на земле воплотить модели, предлагаемые н а у к о й, покончить с хронической бескормицей.

— Нельзя нам больше ошибаться,— хорошо сказал Ивлев.

Да, ошибаться больше нельзя. Нельзя и впредь терпеть «ножницы» между огромным биологическим потенциалом, например, кукурузы и ее фактическими урожаями. Нельзя как к «открытию» относиться к внесению навоза, да и вывозить его надо не по пять тонн на гектар, а по тридцать—сорок; и даже по сто тонн там, где энергия деградированных почв «сéла».

Борьба за хлеб, за корма идет не только на зерновом поле, как это думают еще многие и сегодня. Но в основном — на кукурузных и гороховых, а то и соевых плантациях, на лугах и пастбищах, в комбикормовой промышленности и цехах микробиологических добавок.

Из бесед с Александром Даниловичем Левченко и Иваном Андриановичем Ивлевым мы поняли, что отныне район, вся земля РАПО рассматривается не только, естественно, как единое хозяйство, которому жить и в следующем, XXI, веке, но и как высокопродуктивная АГРОЭКОЛО-

строка из продовольственной программы

ГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, призванная сохранить для наших внуков, потомков жизнь в данном районе, защитить богатство почвы от ветра и шалой воды, обеспечить всевозрастающее плодородие. А всего этого не достичь без личной заинтересованности в земледелии самых разных партнеров, образовавших ныне союз с колхозами и совхозами.

Левченко сказал просто: «Воронежская земля — родина полезащитного лесоразведения, здесь безнравственно мириться с экстенсивным хозяйством».

В Лискинском районе, как рассказал А. Д. Левченко, тринадцать хозяйств убыточных, есть и низкорентабельные, непродуктивные... Им — главное внимание. Потому что тринадцать убыточных из двадцати семи колхозов и совхозов — это, согласитесь, процент удручающий. В то же время колхоз «Высокий» только что получил три миллиона годового дохода. Конечно, дела в колхозе во многом зависят от стиля руководства опытнейшего Ивана Матвеевича Светашова. Вот почему Иван Матвеевич избран в президиум совета РАПО, он — заместитель председателя совета РАПО. Начали в РАПО с занятий по прикладной экономике: как деньги делать? Как внедрить эффективные индустриальные технологии, как ускорить возврат земле безоглядно растраченных сил и как вести дело, чтобы земледелие и вообще хозяйство были интенсивными? И вот уже на поле колхоза имени Кирова вывели всем в поучение посевной комплекс — набор техники для стремительного сева яровых...

День рождения Лискинского РАПО — 5 января сего года, именно в этот день принято решение районного Совета народных депутатов об образовании агропромышленного объединения. РАПО создали не на пустом месте. Его корни уходят в пласт глубинного процесса внутрирайонной специализации. Процесс этот в Лискинском районе идет уже лет десять. Начали с межхозяйственного предприятия по откорму бычков. Еще в 1974 году. Назвали его «Маяк». Через четыре года сообща, на принципах кооперирования создали хозяйство по выращиванию телят. И снова убедились: выгодно! Выгодно и хозяйствам-пайщикам и району. Сосуществовавшие по соседству с колхозами тресты «молотили на свою копну», и знать об этом было обидно. Так, трест «Скотопром» до шестидесяти процентов средств, заработанных совхозом «Лискинским», перекачивал себе, на свои счета в Москве, практически не принимая никакого участия в производстве — даже благими пожеланиями, не говоря уж о стройматериалах или технике. В Лискинском районе были жили каждый своей жизнью спецмолокозавод — государственное предприятие, всегда безбедное, и рядом новое, рожденное жизнью межхозяйственное предприятие по откорму свиней «Девятая пятилетка» (название тоже символичное). Овощесушильный завод, предприятие тоже государственное, однажды сломал одну из «перегородок» и оборудовал цех для переработки подсолнечника, закупленного у населения... Постепенно, постепенно сама жизнь сближала разные формы собственности.

Надо напомнить, что в старину далекую и близкую в селах всегда сохранялась традиция того или иного оригинального производства, чем пользовались деловые люди, предприниматели. Каждое село как бы специализировалось то ли на гончарном деле, то ли на выращивании беконной свиньи или рождественского гуся, то ли на шорном деле. Впрочем, все-таки большинство «специализировалось» на хлебопашестве. Вот и на воронежской земле и по сей час есть дальние села, которые веками разводят сады и промышляют мочеными яблоками. Только мочеными. Долго боролись с этим пристрастием, но народная специализация одолела неприятие и, к счастью своему, дожила до дней РАПО. Теперь личные интересы потомственных мастеров мочить яблоки, как никогда раньше, совпадают с интересами района: моченые яблоки получили буквально «зеленую улицу», выводящую их далеко за пределы области, престиж которой сразу поднялся. Такое же случилось и с пригородными хозяйствами, занятыми выгонкой ранних тюльпанов, гвоздик, а также ранней овощной зелени. Все теперь в дом, все во благо. А в ином районе царят козы! Там веками чешут пух, вяжут платки, полушалки. И с козами боролись, изводили их налогами, травили, а теперь всех козьих дел мастеров пригласили в кооперацию, РАПО заинтересовано в развитии местных промыслов, имеет от них выгоду. Качество жизни в районе повышается.

Для пользы дела важно помнить: модель РАПО необходимо наложить на существующую структуру районного хозяйства. Так, используя традиционную «специализацию» каждого села, РАПО смело идет к созданию и упрочению более эффективной государственно-кооперативной формации. В этом тоже новизна.

РАПО — это когда и прежде всего в с е за одного, а не о д и н за всех, как было недавно, когда «маяки», вроде И. М. Светашова, тянули районный воз. Ох, и трудна по-человечески была первая встреча за столом РАПО! Несовместимость поначалу была очевидной для соседей: председателей колхозов и директоров совхозов, с одной стороны, и руководителей районных контор «Сельхозтехники», «Сельхозхимии», «Межколхозудобрения», госинспекции по заготовкам, спецгормолокозавода, ПМК, овощесушильного завода, лесхоза, двух элеваторов, дорожной строительной ПМК и даже сельпо — с другой!.. Всего в Лискинском РАПО кооперировалось сорок пять хозяйств, а также организаций по техническому и аграрному сервису, по переработке продукции. Сорок пять в одной упряжке отныне с единым интересом в экономическом возрождении района. Сорок пять руководителей, до тех пор сосуществовавших в условиях довольно изрядной неконтактности. Их слишком часто вели по разным дорогам их планы, их цели и способы выжить в условиях администрирования и многоначальствования. И вот они — единый коллектив, решающий судьбу производства и социально-культурного развития в Лискинском районе. Постепенно эти люди привыкают друг к другу, жизнь ломает их собственные представления о взаимоотношениях партнеров на земле.

Первая задача, осознанная всеми, — сделать рентабельными те тринадцать отставших в походной колонне. Идет регулировка хозяйственных отношений по принципу «нельзя жить за чужой спиной». За счет соседа жить негоже. Как же быть? Выручает партийное понимание ситуации. И — хозрасчет. Ивану Матвеевичу, колхоз которого на откорме бычков получает завидные прибыли, совет по-товарищески напомнил, что колхоз, конечно, самостоятельная единица, но его откормочная площадка — межхозяйственная! Стало быть, прибылью надо делиться. Как? Для этого у РАПО апробированный инструмент: р а с ч е т н ы е цены. Они достаточно справедливы и вовсе не ведут к уравниловке, которой «маяки» так нынче побаиваются («Ох, «раскулачат» нас, поди!..» — приходилось слышать).

Сельпо в рамках РАПО! Это особая глава возможного повествования. РАПО начало заботиться о дальних селах, где даже хлеб не продавали — ни дорог туда, ни магазинов там... В ответ на эту заботу деятели торговли перестали смотреть свысока на село. Решили объединенными силами бороться с бездорожьем и форсировать строительство магазинов, чтобы люди и на дальних границах района ощутили перемену в жизни. РАПО дало работникам торговли рации для дальних магазинов, подсоединило их к своей единой диспетчерской...

Столь же полезен району и лесхоз. Он уже не сам по себе, а в одной упряжке. Стало быть, и ему место в борьбе, например, с бескормицей, в заготовке хвойной муки и витаминных настоев для животных. И пиломатериалы теперь не все идут на сторону... Тут все в з а и м н о! Давыдовский овощесушильный завод постоянно страдал от нехватки рабочих рук, а отныне четыре соседних колхоза пошли ему навстречу, жители этих сел занялись делом в межсезонье, и в их дома пришли дополнительные деньги.

Подобных примеров день ото дня все больше. Совет РАПО разрешил (вопреки спущенному плану посевов) колхозу имени Кирова значительно расширить кукурузную плантацию. С нее колхоз получит почти двадцать тысяч тонн кукурузы и часть ее отдаст колхозу «Маяк» (строго по расчетным ценам); для того корма вроде как «с неба», а кировцам пойдет заслуженная прибыль, так как они давно признанные мастера выращивать кукурузу. Молочный завод уже взял шефство над тремя колхозами. Там на фермах установили танки для охлаждения молока — качество его теперь дело общее! И сама собой отпала мысль (да и возможность) наживаться на повышенной кислотности... РАПО вообще встало на защиту колхозных ферм.

Позиция «Сельхозтехники» в новой ситуации требует всестороннего и беспристрастного рассмотрения. Пока ясно, что есть и у этих партнеров понимание общей задачи: служить верой и правдой интересам колхозов и совхозов. Работать по-прежнему на «вал»? Не выйдет. «Лискисельхозтехника», которую в Лискинском РАПО возглавляет Николай Кириллович Волобуев, человек неистовый и преданный идее полной механизации сельского хозяйства, взяла на себя обслуживание десяти колхозов. В полном объеме обязательных видов ухода и ремонта! Значительный и знаменательный шаг к сближению с хозяевами земли. В области тот же благотворный процесс: отделения «Сельхозтехники» взялись обслуживать «от и до» более двухсот двадцати хозяйств из шестисот пятидесяти. Ширится, стало быть, опыт Верхнехавского отделения «Сельхозтехники», пионера этих дел... О плодах подобной жизни на техническом содержании, наверное, колхозы будут судить позже. Во всяком случае, счет пошел не на рубли, а на гектары и на тонны продукции. Услуги стали дешевле. А иначе зачем они, эти услуги, колхозам?..

О пользе навоза уже упоминалось. Странно, однако, что для многих только сейчас открылись глаза на сей незаменимый источник воспроизводства почвенного плодородия. Лискинское «Межколхозудобрение» — партнер, который собрал технику своих пайщиков и теперь вносит более трех четвертей всей органики на поля района! Есть и исключения — до колхоза «Авангард» пятьдесят километров. И туда железные руки кооперации «по органике» не достают. Нашли выход: РАПО туда послало свою — централизованную — ударную группу машин и тракторов. Навоз одним махом вывезли на поля «Авангарда». Всей деревней вышли смотреть на невиданное здесь «прохоровское сражение»!.. Правда, в совете РАПО сражению предшествовала характерная для первого года сосуществования дискуссия: надо ли направлять ударную группу в дальний «Авангард». За полста километров — а горючее где, да и прок будет ли? Но совет, особенно тринадцать с небогатой кассой, стоял на своем: надо! Надо помочь «Авангарду». В первую же зиму, в первую же весну. Чтобы люди знали и там: не отрезанный ломоть их колхоз, а пайщик; так е с т ь, так и будет.

Председатель единого районного кооператива Александр Данилович Левченко познакомил с планом первых совместных мероприятий. Чтобы повысить экономический эффект от многоотраслевого районного хозяйствования, следует выбрать главные направления деятельности. Тогда и заботы лягут на плечи хозяйств-пайщиков по справедливости равномерно. Итак, общее направление: зерно, сахарная свекла, подсолнечник. На базе растениеводства — откорм. Откорм свиней, бычков, птицы. В перспективе — привязать через внутренние расчетные цены все хозяйства к интересам РАПО, родного района. Уже первый квартал нынешнего года показал, что дела в районе пошли увереннее. Наладили машину «Лисичанка», новшество для кормоцехов. Сами придумали и теперь «куют» даже на сторону машину для изготовления кормовой пасты высокой производительности, такую хоть на международную ярмарку. РАПО мобилизует интеллект ближних и дальних сел, подвигает на изобретательство, на предприимчивость. На многое открывает глаза. Учит экономике — пока «азам» хозрасчета; но уже есть понимание того, что уметь надо не только вырастить, произвести, но и переработать, продать с выгодой. Сельхозуправление да и прежний сельхозотдел райкома — то были командиры без войска. Пайщики РАПО — сила. Сила, объединенная одним интересом, работающая на свой районный котел. Все в дом! И тут уж постепенно затихают ведомственные распри, гонор, чванство.

— Я готов помочь соседям. Надо... И техникой помогу, и сам в «Прогресс» съезжу, подсказку, — заявил недавно на совете РАПО все тот же Светашов.

Кто плохо знаком с действительностью, того ждет разочарование: а в чем же новизна нового? Помочь отстающему — это не ново. Новизна модели РАПО в том, что это орган согласия, а не командования. Орган коллективного согласованного действия в пределах района. Тут в аббревиатуре главная буква «О» — о б ъ е д и н е н и е. Не все психологически легко одолевают привычные, удобные представления о назначении тех или иных промышленных и прочих надстроек над землей, над селом. Вот и вся новизна: не рапорт, не цифирь в отчетность, а тонны зерна, молока, мяса, овощей, фруктов... И все это с того самого поля, которое о д н о. Пока истощенное, взывающее к внимательному уходу, к любви. В. В. Докучаев и его последователи в течение девяноста лет доказывали (и доказывают), что эрозию можно остановить — эрозию на почве. Осталось остановить эрозию в деятельности тех, кому чужды зовы земли. Первые шаги АПК страны обнадеживают.

ГЕЙДАР АЛИЕВИЧ АЛИЕВ

К 60-летию со дня рождения

Фото И. Филатова

ХЛЕБ НА СТОЛЕ

Сергей ВИКУЛОВ

Крошки в ладошку смела со стола
и начала:
— Значит, просишь поведать,
как она, господи боже, Победа,
встречена в нашей деревне была?
— Да, если помните...
— Все, как сейчас...
Много чего позабыла, а это...
Слушай же...
Мы на дворе с Лизаветой,
помню, коров обряжали как раз.
Дедко Савелий как раз приволок
с дальнего поля соломы телегу.
Конь чуть не падает:
ясно, по снегу
легче бы, сам понимаешь, милок...
Да не успели: одни ведь гужи
на три двора. И не лошадь,
а кляча.
Смотрим,
Митяй, спотыкаясь и плача,
к нам, Лизаветин сынишка, бежит.
— Чё там?—
встревожилась Лиза (она
дома одних оставляла детишек).
— Мамочка-а!
Кон-чи-ла-ась!
Кон-чи-ла-ась, слышишь?..
Ко...— и в подол ей уткнулся: —
...война!
— Кто тебе?
— Радио!— Митька в ответ.
Верить ли?..
Вилы уткнули в солому
и, как нахлестаны, бросились
к дому.
К дому... А люди бегут
в сельсовет.
— Слышал?— друг другу кричат
на ходу.
— Врут ведь, поди-ко...
— Да нет, не должно бы...

Был он — не помню такого —
особый,
этот денек в сорок пятом году.
Лес оживал.
Пробивалась трава...

А Чужгина — председатель
правленья,—
речь не умея сказать от волненья,
произносила с крылечка слова:
— Кончилась!
Кончилась, вам говорят!!!
— Может, ошиблась?— кричали
иные.
— Нет, не ошиблась...
С победой, родные!—
И замерла.
И потупила взгляд.
Вспомнила, видно, некстати:
вдова.
Сироты — точно теперь уже —
детки.

И затряслась на плече у соседки
неудалая ее голова.
Господи, что тут тогда началось?
С матерью дочка, с подругой
подруга,
с бабкою внук, обнимая друг
друга,
все завопили...
И радость и злость
были в слезах тех:
свалилась беда,
ну, а вдовство, а сиротство —
навеки...
Ой, по Руси-то, наверное, реки
вылилось слезынек бабьих тогда!

Плакали мы, проклинали врагов:
«Чтоб вам ни дна ни покрышки,
бандиты!»
Но и гордились за наших убитых,
а у кого и живых мужиков.
Все ж добрались и до ихней стены
и хорошо постучали в ворота,
чтобы у них не явилась охота
заново меч отковать для войны.
Плакали вдовы, да так горячо,
что и у деточек капали слезы;
плакали — кто обнимая березы,
кто наклонясь на подружки плечо.
Плакали...
Малых жалели ребят,
да и себя, как я мыслю, жалели:
хрястали вон как,
а хлеба не ели
досыта года четыре подряд.
В общем, все в душу нахлынуло
враз —
и прорвалось,
пролилось через кромку.
Первой опять Чужгина —
наша власть,—
видно, опомнилась, крикнула
громко:

— Хватит! А то унесет по волнам!
Праздник ведь!..
Люди, поди-ко, ликуют
всюду, а мы поревушку такую
задали...
Бабы, не стыдно ли нам?
Вспомнили, кто не дождался
кого,—
и хорошо... И уймитесь! Не дети.
День ведь Победы!
И надо отметить
радостью: сколько мы ждали его!

— Надо отметить... Но как?
Просвети,
Анна Акимовна, нас, бестолковых,
коль молочишко в дому
да морковный
чай...
А в столе — хоть шаром покати!

Я обернулась, чтоб было слышней:
думаю, кто там... О боже, да это
Лиза, подружка моя Лизавета,
и ребятишки — все трое —
при ней.

— Как?— поглядела с крыльца
Чужгина.—
Хлебом детишек накормим!
И этим
праздник отметим!
Чтоб помнили дети,
как она кончилась, эта война.

Ну, а увидеть счастливых детей,
сытых...— Она помолчала устало.—
Праздника лучше вовек
не бывало,
да и не будет для нас, матерей.

...Помню, с каким мы стараньем
пекли
те, из остатней муки, караваи:
печки — не рано ль?— с оглядкой
скрывали,
чтобы они подгореть не могли;
под заметали сырым помелом,
ни угольков, ни золы чтобы
лишних...
И загляденье хлебушки вышли!
Ну, а назавтра за общим столом
и собрались они, наши худышки.
Не выбирая получше места,
девочки, мальчики рядышком
сели:
острые плечики, тонкие шеи,
и потому велики ворота.
Руки на стол положили и ждут,
вертят зрачками в белках
синеватых...
— Ешьте,— сказала им Анна,—
ребята!
Досыта ешьте, еще принесут.

Приподнялись, изготовясь
к броску,
молча седьмую слюну проглотили
и, оглянувшись на Анну, схватили
с жадностью в обе руки по куску.
Заторопились:
из правой руки
не прожевавши, из левой кусают...
Взгляды же в сторону нашу
бросают,
хлеб уминая за обе щеки.
Вдруг со скамейки
клопышка одна,
встав — со столешницей вровень
росточек,—
к нам подбежала и хлеба кусочек
сунула матери:
— Мамочка, на!
Та ее на руки — и обнимать
и целовать, умываясь слезами:
— Вспомнила...
Вспомнила, гли-ко, о маме!—
И задохнулась от радости мать.
А за клопышкою вслед, гомоня,
тоже вскочили —
и к нам наши дети...
Матери,
мы не забудем до смерти
праздника этого, этого дня!

ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

На этой фотографии запечатлена встреча Героя Советского Союза Петра Петровича Вершигоры с читателями в Орле 4 апреля 1951 года.

Петр Вершигора специально приезжал в Орел на читательскую конференцию, которая состоялась в клубе работников связи. После окончания дискуссии докладчиков пригласили сфотографироваться с писателем. Эта фотография никогда не публиковалась.

На читательской конференции обсуждались книги Петра Вершигоры «Люди с чистой совестью» и «Карпатский рейд».

Петр Петрович рассказал о том, как он начинал работать над книгой «Люди с чистой совестью». Операции партизанской дивизии окончились, но война продолжалась на вражеской территории. «Писалась книга легко,— говорил автор.— Мне она доставляла удовольствие: вспоминались и горести, и радости, и наши победы. Однако трудность заключалась в том, чтобы найти в себе мужество говорить только правду».

Среди встречавших писателя орловцев находился Герой Советского Союза Роберт Александрович Клейн (на фото он стоит с левой стороны). Роберт Александрович — один из героев книги Вершигоры. Подвиги Клейна сами могли бы послужить хорошим сюжетом для интересной повести. Помнится, П. Вершигора рассказывал нам такой эпизод. Разведчик Роберт Клейн, выходец из советской немецкой семьи, осуществил блестящую операцию по спасению моста, который намеревались взорвать гитлеровцы при отступлении. Переодетый в форму офицера СС, в сопровождении «охраны» он приехал к подготовленному ко взрыву мосту, убрал немецкого генерала, и партизаны сохранили мост до прихода частей Советской Армии.

«Люди с чистой совестью» — это яркий литературный памятник тем героям, которые освободили всю Европу от фашистского ига...

М. МИНОКИН,
доктор филологических наук

◀ Вдоль да по речке... Фото М. САВИНА

Фотографии последних дней войны. Публикуются впервые.

Фото Валерия ФАМИНСКОГО

9 МАЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Парад у рейхстага. Берлин, 20 мая.

Государственный флаг отсюда отправится в Москву. Крайний слева — генерал-полковник Н. Э. Берзарин. Берлин, 20 мая.

Алый цвет Победы

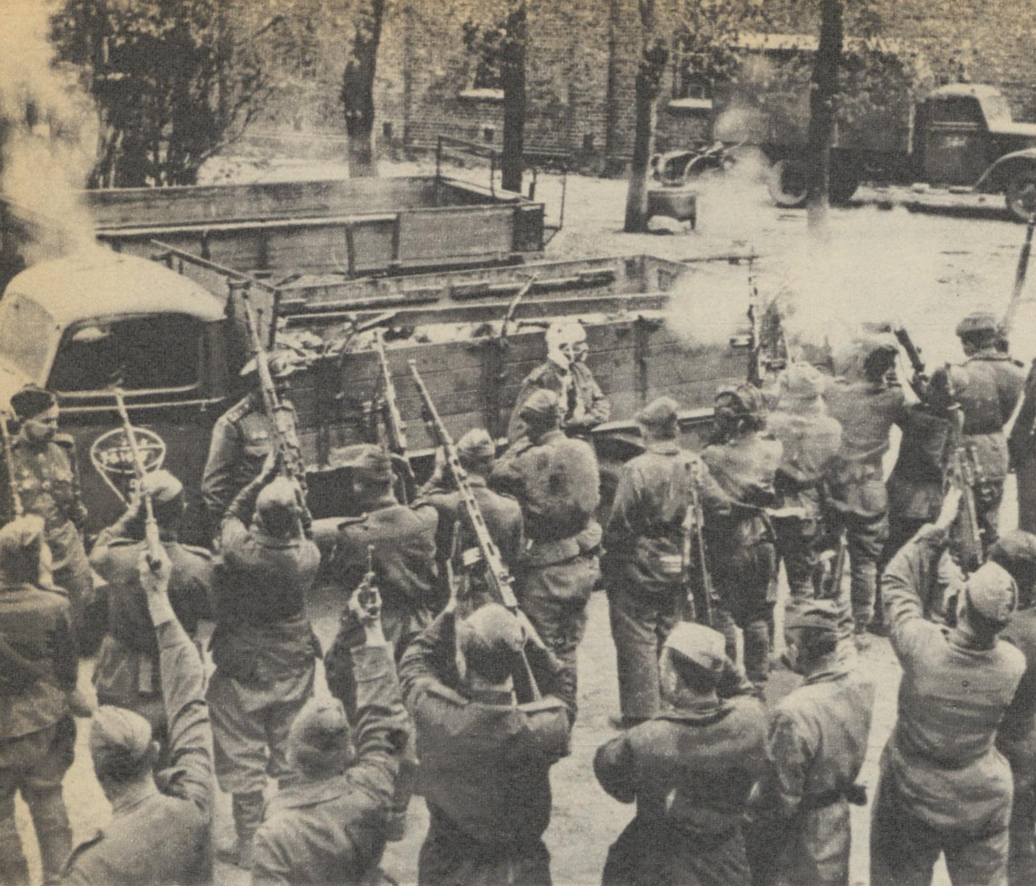
Будь эти снимки цветными, мы увидели бы алое знамя, пергаментно-матовую тугую шкуру и зеленый лоск барабанов, зеленые каски и пилотки и голубеющее небо в просветах белых облаков. Мы увидели бы алый цвет Победы и на бинтах, которыми перевязаны раненые, только что вышедшие из боя и добирающиеся по дороге своим ходом в медсанбат. Мы увидели бы золото звездочки на груди Героя Советского Союза капитана-танкиста, прозрачную слезу на его черном от копоти лице и вороненую сталь оружия в руках солдат, отдающих прощальную честь своим мертвым товарищам. Он плачет, потому что погиб весь экипаж его «тридцатьчетверки».

На первых двух снимках запечатлен парад у рейхстага 20 мая 1945 года. Он состоялся по торжественному случаю: государственный флаг, водруженный над рейхстагом в День Победы — 9 мая, отправлялся в Москву. А крайний слева на этом фото — командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин, первый военный комендант столицы поверженного гитлеровского рейха, погибший в автомобильной катастрофе ровно через двадцать шесть дней после этого ликующего дня.

К сожалению, имя капитана-танкиста неизвестно, так как фотокорреспондент Валерий Всеволодович Фаминский постеснялся подойти спросить и записать: не тот был момент, чтобы пытать человека вопросами. Танкисты редко плакали на войне...

Не знаем мы, как зовут этих двух девочек, освобожденных из неволи, и как они звали своих, должно быть, первых в жизни кукол, которых, конечно же, подарили им не надсмотрщики концлагерей. Судя по круглым щечкам детишек, советские бойцы уже успели подкормить их, и, надо надеяться, они и поныне живут и здравствуют, и воспоминания о неволе не отравляют их жизнь.

Может быть, капитан и ставшие взрослыми девочки узнают себя на снимках и откликнутся, чему фотокорреспондент и редакция журнала были бы очень рады. Может, узнает себя и солдат, управляющий своими беззаветными помощниками — ездовыми собачками, вывозящими тяжело раненного бойца из полосы огня в тыл, в госпиталь...

Эти два снимка сделаны с интервалом в несколько секунд. **Вверху:** прощальный салют погибшему экипажу танка. **Внизу:** капитан-танкист.

Эти снимки никогда еще не публиковались на страницах столичных газет и журналов, и причин тому две. Первая станет ясна, если хотя бы кратко рассказать, кто такой Валерий Всеволодович Фаминский.

Когда началась война, ему было двадцать семь лет. Он настойчиво пытался попасть на фронт, но в военкомате ему категорически отказали, так как с его зрением в армии просто нечего было делать. Однако в 1943 году после бесконечных хлопот ему все-таки посчастливилось осуществить свои намерения, хотя и не в полной мере. Ни на передовую линию в качестве солдата, ни в ряды военных корреспондентов попасть не удалось. Но как раз в то время в Военно-санитарном управлении Советской Армии возникла умная и дальновидная мысль — начать создание фотохроники о буднях самоотверженно работавшей на фронтах медицинской службы. Это нужно было для истории.

Негодный к строю В. В. Фаминский оказался вполне пригоден к должности корреспондента Военно-санитарного управления, поскольку еще за десять лет до войны он начал заниматься фотоделом. В звании рядового, необученного, но вооруженного фотоаппаратом, он ездил по фронтам, снимал в полевых госпиталях и передовых медицинских пунктах, в стационарах и на Кюстринском плацдарме в разгар наступления на Берлин (см. большое фото, где изображен грузовик с ранеными под прикрытием танка, а на заднем плане — «катюша»).

Теперь в Военно-медицинском музее в Ленинграде хранятся почти 6 тысяч фотографий, сделанных Фаминским.

В том, что он работал исключительно для истории, а не для печати, заключается первая причина, по которой его снимки так долго не видели света. Вторая чисто личного, субъективного свойства — он скромный и нетщеславный человек.

Ну что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Жаль только, что фото черно-белые. Мы могли бы увидеть алый цвет на знамени Победы и на бинтах только что вышедших из боя солдат...

Олег ШМЕЛЕВ

С передовой в медсанбат. Апрель 1945 года.

На дороге от Кюстрина на Берлин. 17 апреля 1945 года.

Скоро они вернутся домой, в Россию.

Так иной раз вывозили тяжелораненых с поля боя.

8 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА ОТ ФАШИЗМА

Этим двум датам посвящены материалы, присланные на конкурс «Огонька» «Мы — интернационалисты». Условия конкурса были опубликованы в одиннадцатом номере нашего журнала за этот год. Мы обратились к читателям с просьбой присылать фотографии из своих семейных альбомов, рассказывающие о дружбе народов братских социалистических стран. Напоминаем, что ждем ваших материалов до 1 июля. События из истории ГДР и ЧССР, о которых рассказывают читатели сегодня,— это страницы их собственной жизни.

БЕРНД, МАНЕЧКА И КАРОЛА

Бернд Виснер.

Этот снимок мне подарила Карола. В центре — ее дед, Отто Шмидт. Его, немецкого коммуниста, освободили из фашистского застенка советские воины.

Мать Бернда, Ильза Виснер, ведет урок.

Эту фотографию я еще не успел наклеить в свой альбом. Я получил ее совсем недавно от друга из ГДР, Бернда Виснера, абсолютного чемпиона мира по парашютному спорту. Он появился у меня в квартире неожиданно, без всякого предупреждения. Раздался звонок, открываю — на пороге Бернд.

— Знакомьтесь, моя жена Карола, а это наш друг Александр.

— Вы прямо как снег на голову!

— Нам и положено падать с неба,— смеются гости, — мы же спортсмены-парашютисты.

Бернда я знаю, можно сказать, с пеленок. С его матерью я познакомился в мае 1950 года в Берлине на первой всегерманской встрече молодежи. Среди саксонской делегации выделялась белокурая темпераментная девушка, «заводила». Она пела, плясала, увлекая окружающих. Я спросил, как ее зовут. В ответ прозвучала строка из Гейне:

Я зовусь принцессой Ильзой,
В Ильзенштейне замок мой.

Потом мы встретились на заводе «Заксенверк» под Дрезденом. «Принцесса» Ильза Рихтер возглавляла здесь девичью бригаду обмотчиц электромоторов. Работали по-ударному, все были членами Союза свободной немецкой молодежи. Ильза успевала все: и художественной самодеятельностью руководила и в цехе отличалась — ей присвоили звание Героя труда.

Это было начало пятидесятых годов, время становления молодого социалистического государства — ГДР. Прежде всего республике понадобились учителя (всех нацистов уволили), и комсомолку с «Заксенверк» направили на педагогические курсы. Она окончила их уже Ильзой Виснер — ее мужем стал партийный работник. Ильза тоже вступила в ряды СЕПГ.

А потом у нее родился наследник — Бернд. В школе он очень увлекался узкопленочными фильмами, и я присылал ему мультики «Ну, погоди!». Позже пришло новое увлечение — парашютный спорт. Уже в тринадцать лет Бернд сдал теоретический экзамен, но прыгать ему еще не разрешали: «Жди до шестнадцати».

— И в день шестнадцатилетия я совершил первый прыжок!

Среди инструкторов Бернда был Гюнтер Шмидт. Он учился у советских парашютистов, тренировался у нас в Киргизии. Однажды приземлился прямо у входа в юрту. Сперва немного растерялся. Из юрты высыпала вся семья, лица радостные-предрадостные. И хозяин подарил Гюнтеру на память меховую шапку. В этой самой шапке Бернд и заявился ко мне в гости. Его жена, Карола,— дочь Гюнтера Шмидта. На ее счету более 2700 прыжков, она чемпионка мира 1980 года в командном зачете; как и Бернд, окончила институт физической культуры в Лейпциге.

На соревнованиях парашютистов социалистических стран Карола подружилась с Ириной Крючковой из Серпухова. Потом встретились в Югославии. Там, в Загребе, у подруг был откровенный разговор: «Хочу рожать!» «И я тоже». «А спорт?» «Можем быть тренерами». «Ну что ж, давай в будущем году».

Карола выполнила уговор — родила дочь. Молодые родители дали ей имя Маня — да, не Мария, а именно Маня. Теперь у нее есть братишка Стефан.

— Значит, сейчас ты не прыгаешь? — спрашиваю Каролу.

— Прыгаю! — отвечает она смеясь. — Во сне!

— У тебя отец и муж парашютисты, ты — тоже. А Маня и Стефан будут прыгать?

— Будут,— отвечает Александр Самсонов, который пришел ко мне вместе с немецкими друзьями. Александр тоже парашютист (более трех тысяч прыжков) да еще кинооператор! Он и Бернд встретились на соревнованиях в Вильнюсе в 1981 году, и теперь их, как говорят, водой не разольешь. Бернд очень увлекается фотографией и киносъемкой — они с Каролой сделали уже более десятка фильмов. А жена Александра, Лариса Корычева,— абсолютная чемпионка мира по парашютному спорту 1982 года. Ее «короновали» в том же чехословацком городе Лученец, что и Бернда. Обе парашютные четы крепко подружились.

Бернд рассказывает Саше, что у его команды (он капитан национальной сборной ГДР) давние тесные связи с горняками Мансфельда. Парашютисты — частые гости у добытчиков меди, спускались в штольни, видели, как добывается руда. И горняки приезжали в Эйленбург, летали. Прыгать, правда, не решились. У тех и других общие планы. И если спортсмены получают больше медалей, чем предполагалось, мансфельдцы отрабатывают сверхплановую смену. Ну, а перевыполнение горняцкого плана означает больше рекордов в небе!

— Мы живем не только небом и рекордами,— говорит Бернд.— Мы живем всеми делами ГДР. А дружба с вашей страной — это те прочные стропы, которых не разорвать.

После отъезда Бернда я открыл свой альбом, чтобы наклеить туда фотографию друга. Открыл, и с первых страниц на меня глянули снимки военных лет.

Берлин. Май сорок пятого. Площадь у Бранденбургских ворот. Возле «тридцатьчетверки» молоденький лейтенант в пилотке и с автоматом на груди. Ему столько же лет, сколько сейчас Бернду, он прошел от Сталинграда до Берлина. Кончил войну корреспондентом армейской газеты. Лицо на фотографии у лейтенанта счастливое — пал Берлин, конец фашизму, конец войне. Тот лейтенант — я.

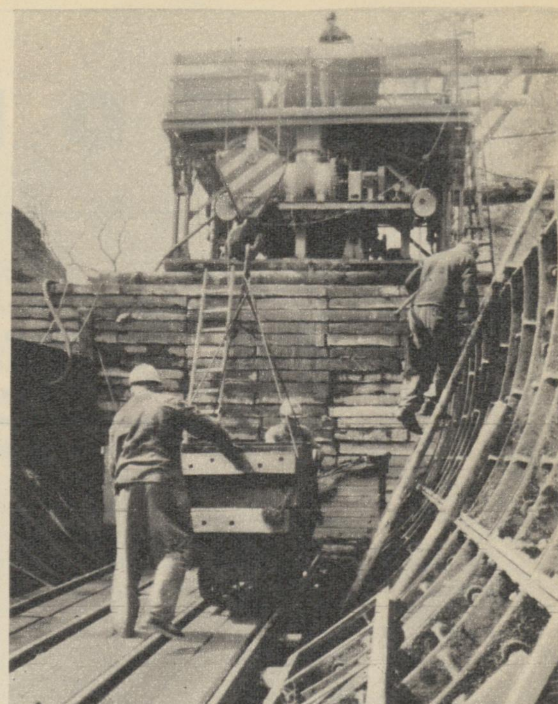
В. РУДИМ

Москва.

А+В+С=МЕТРО

Товарищ Г. Гусак поздравляет В. Федорова с вручением правительственной награды ЧССР — медали «За заслуги в строительстве».

Монтаж тюбингов на станции Малостранская.

Этими буквами называются линии метрополитена в Праге. Когда я туда приехал, строилась первая из них — линия «С». Уже были сооружены два туннеля от Нусельского моста к площади Героев. Проект разработали чехословацкие инженеры, консультировали их специалисты из нашего проектного института Метрогипротранс. Кстати, сама идея строить в Праге именно метро, а не подземный трамвай, как предполагалось вначале, принадлежит советским специалистам. Проходческие щиты, тюбинги, строительные механизмы, сами поезда — все это было поставлено на крупнейшую стройку чехословацкой столицы из Советского Союза.

И вот наступил долгожданный радостный день: 9 мая 1974 года торжественно открылась первая линия метро. На станции Качеров состоялся митинг. В президиуме были руководители ЧССР во главе с товарищем Г. Гусаком. А после митинга строители и гости сели в вагоны, сделанные на Мытищинском машиностроительном заводе, и проехали до станции Соколовская. Нам очень приятно, что друзья назвали ее так в память об украинском селе Соколове, где в 1943 году получила боевое крещение сформированная на территории СССР чехословацкая воинская часть под командованием Людвика Свободы. Подпоручик Отакар Ярош, погибший в бою у Соколова, был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Это звание было присвоено и словаку Яну Налепке, который вместе с группой словацких воинов сражался в рядах советских партизан. Налепку хорошо знал мой брат Леонид, сражавшийся в рядах партизан под началом Ковпака и Сабурова. Налепка погиб в бою под Овручем. Брат тоже участвовал в этом сражении, за что награжден орденом Красного Знамени.

Я не могу не вспомнить об этом, когда шел в толпе радостных пражан под сводами станции Соколовская.

В тот же день, 9 мая 1974 года, в Праге состоялся торжественный прием. Строителям метро были вручены правительственные награды ЧССР. Их были удостоены и советские метростроевцы, в том числе и я. Сам товарищ Гусак поздравил нас.

В Праге я проработал пять лет в качестве главного консультанта по строительству метро. Сейчас там действуют линии «А» и «С», строится линия «В». Она пройдет под Влтавой на Смихов, где будет станция Московская. А у нас в Москве на Серпуховском радиусе по проекту чехословацких архитекторов сооружается станция Пражская. Так что линия метрополитена Москва — Прага действует. И 9 мая я хотел бы через журнал «Огонек» поздравить своих чехословацких коллег и друзей с их национальным праздником и с нашим общим — Днем победы.

В. ФЕДОРОВ

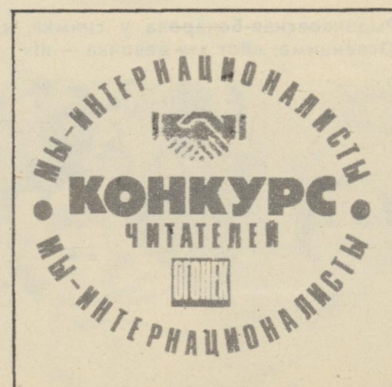
Москва.

Посылаю снимок из своего фронтового альбома. Фотография сделана 9 мая 1945 года в Праге. Так встречали нас, солдат Советской Армии-освободительницы, жители чехословацкой столицы.

Бывший командир отдельной роты автоматчиков-десантников А. КРАКОСЕВИЧ

Логойск, Минская область.

Человек №70071

Н. КРЫЛОВА

День Победы... Когда он наступил, человечество недосчиталось 50 миллионов жизней — столько унесла война В их числе 12 миллионов сожженных, расстрелянных, замученных профессиональными палачами, многие из которых до сих пор на свободе. Около 150 тысяч гитлеровских военных преступников скрываются сегодня от правосудия. Им покровительствуют те, кто ради своего господства над миром хотел бы отправить в атомную душегубку все человечество.

«Если наш голос не дойдет до вас, то погибнете и вы», — написал кто-то из узников Равенсбрюка на стене камеры смертников. Да, чтобы выжить, человечество обязано помнить.

Анна Васильевна Бочарова с фотографией дочери Людмилы.
Фото В. Христофорова (ТАСС).

Людмила Рыдзиковская-Бочарова у снимка, сделанного в день освобождения Освенцима: «Вот эта девочка — я!»

■

— Анна Васильевна Бочарова.— Назвавшись, женщина протянула мне руку, рукав приподнялся, и я увидела чуть выше запястья голубовато-синие цифры 70071 — ее лагерный номер в Освенциме.

Я познакомилась с Анной Васильевной в Комитете советских женщин, где проходила встреча бывших узниц фашистских концлагерей. «Пока мы живы, мы будем рассказывать о том, что испытали сами. Это наш долг перед миллионами погибших»,— говорили выступавшие на этой встрече.

Анне шел девятнадцатый год. Муж ее, военный, служил на заставе на польском пограничье. Там они и жили с детьми. Люде было полгода. Светочке пошел третий. На рассвете 22 июня началась бомбежка. В ночной рубашке, схватив сонных детей, Анна выбежала из дома. Ей удалось добраться до Енакиева, где жили родители мужа. В августе на него принесли похоронку. Потом была оккупация. Однажды к ним в дом пришел односельчанин и сказал свекру: «Невестке твоей уходить надо. Дознаются, что у нее муж командир Красной Армии,— конец!» Куда идти? Всюду немцы. На руках двое малышей. Решила пробираться в Белоруссию, там около Полоцка остались ее родители. Трудно передать, что вынесла эта женщина, пока добралась до родного дома.

— А дома-то и нет,— рассказывает Анна Васильевна.— Только печка да фундамент каменный остались. Стою с детьми у развалин и плачу, сил моих больше нет. Гляжу, соседка идет, тетя Христина. Я ее окликнула, она меня не признала — такая я была худая, грязная, оборванная. Она сказала, что отец с матерью и брат уцелели, живут недалеко, в доме дяди Саши.

Как она туда дотащилась, сама не помнит.

— Вошла, в горнице никого нет. На столе обед стоит,— продолжает Анна Васильевна.— Посадила я детей — ешьте, и побежала искать мать. Она на речке половики стирала. «Мама!» — кричу, а у самой дыхание пресекается. Мать, не оборачиваясь, отвечает: «Юрик, ты что, не видишь, некогда мне, ступай в дом, обед на столе». Мама думала, это братишка мой, Юрик, с поля прибежал, где они с отцом работали. Я ей опять: «Мама, мама!» Тут она обернулась, увидела меня одну и упала на траву без памяти. Я ее трясу, говорю, живы дети, живы. Вошли мы в избу, девочки мои сидят за столом, едят и крошечки аккуратно так в ладонь собирают, чтоб ни одна не упала.

Немцев в самой деревне не было, вокруг, в лесах, действовали партизаны. Анна стала у них разведчицей. Она жила в доме вместе с родителями, ходила к шоссе, к железной дороге, считала, сколько каких машин, вагонов идет, что везут, и эти сведения передавала партизанским связным.

Когда кольцо карателей стало сжиматься, партизаны решили с боем прорываться к своим — фронт был уже совсем близко. С партизанами уходила и Аннина семья. На переправе через реку Дрисса они попали в плен. Чего только не вынесли в гитлеровских застенках Анна и ее родные! Их пытали на глазах друг у друга, детей эсэсовцы били ногами. А потом всех ребятишек — их было в тюрьме человек восемь — вывели во двор и стали по ним беспорядочно стрелять. Среди этих детей были обе ее дочки. Старшая, Света, была повыше, ее убило, младшая, Люда, уцелела. В товарном вагоне их отправили в Освенцим. Анна с дочкой попала в барак, где были матери с детьми. Ее родители — в другой, больше она их не видела.

Однажды вывели всех на аппельплац, приказали построиться, а детей поставить впереди, совсем маленьких, которые не могли стоять, положить на землю. Потом команда: женщинам — три шага назад! Ни одна мать не сдвинулась с места. Тогда эсэсовцы стали вырывать детей у них из рук. Как потом выяснилось, маленьких узников отбирали для медицинских экспериментов.

Последний раз Анна видела дочь, когда матерей под конвоем привели в ревир — лагерную больницу, где фашисты проводили свои опыты на людях. Она едва узнала свою девочку — такая она была опухшая, без кровинки в лице.

Голос Анны Васильевны прерывается, она подносит к глазам платок.

— У меня до сих пор ее крик в ушах, когда эсэсовцы погнали нас, матерей, из ревира...

Фронт приближался. Фашисты, стремясь скрыть следы своих преступлений, угоняли на запад тех, кого не успели сжечь в печах крематориев. Бухенвальд, Гросс-Розен, Равенсбрюк, Берген-Бельзен — через все эти лагеря прошла Анна Васильевна. Когда вышла из последнего, она, высокая женщина, весила 37 килограммов. Первая мысль: жива ли дочь? От Маши, подруги по Освенциму, Бочарова получила письмо. Держа ручку в зубах — в лагере у нее вырвали фаланги пальцев,— Маша писала, что Людочка

М. Самсонов. Род. 1925. В РОДНЫХ ПОЛЯХ. 1982.

Н. Соломин. Род. 1940. РУБЕЖИ СЛАВЫ. 1982.

О. Ковалева. Род. 1948, П. Ковалев. Род. 1945. МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ. 1982.

жива, после освобождения ее взяла к себе какая-то польская семья.

И Анна Васильевна поехала к Маше в надежде что-нибудь узнать о судьбе дочери. В Бологом — пересадка. Поезда долго не было. Притоптывая, чтобы согреться, она ходила по платформе, вдоль длинной очереди в кассу. И тут...

— Вижу, стоит мужчина — вылитый мой Алексей. Глазам своим не верю, ведь я похоронку еще в сорок первом получила. Мужчина обернулся, заговорил с кем-то. Не он! У мужа были золотые зубы, а у этого нет. Все-таки подошла к нему, спросила: «Вы Бочаров Алексей Иванович?»

Это был он, ее муж. А золотые коронки капитан Бочаров обменял на телогрейку, когда выходил из окружения.

Тогда на платформе она ослепла от потрясения и почти год не видела.

После войны Бочаровы поселились в Енакиеве. В 47-м году у них родились близнецы — Римма и Света, в 53-м еще одна дочь — Оля. А она все искала старшую, Люду. Семнадцать лет приходили из Красного Креста тоненькие конверты с листком, на котором стояло: нет, не найдена. Ей предлагали прекратить поиски — ведь столько лет, и все без результата. Но сердце матери не могло отказаться от надежды.

Шел февраль 1962 года. Дети были в школе, муж на работе, когда почтальон принес конверт со знакомой эмблемой Красного Креста. Но на этот раз он был не такой тонкий, как всегда.

— Держу в руках конверт, а распечатать боюсь. Побежала к соседке, та открыла, и на стол выпали две фотографии. На одной — маленькая девочка, на другой — девушка лет двадцати. В письме говорилось, что это моя Люда. Только теперь она Лидия и фамилия ее Рыдзиковская. Мы с мужем побежали в редакцию «Енакиевского рабочего», и через два дня я услышала по телефону голос дочери. «Мама,— говорила она,— я тебя помню. Ты высокая, красивая, у тебя длинные черные косы, тебя зовут Аня».

Потом мать и дочь увидели друг друга по телевизору, и вот, наконец, настал день, когда Анна Васильевна обняла свою дочь после семнадцати лет разлуки. Это было в Москве... Вместе с Людмилой приехали и ее приемные родители, Бронислава и Рышард Рыдзиковские.

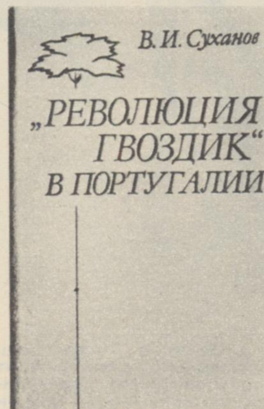
— Плохо помню, что было на Белорусском вокзале,— говорит Анна Васильевна.— Помню, как мы сидели с Броней в гостинице обнявшись и плакали. Я — от радости, она — от мысли о расставании с приемной дочерью, которая стала ей родной.

И здесь проявилось подлинное величие души русской женщины, которая, познав полную меру страданий, не решилась причинить горе второй матери ее девочки. Люда осталась жить в Польше, она давно замужем, мужа своего, Ежи, зовет на русский лад Юрой. Их сын Витольд учится в техникуме.

Анна Васильевна достает из сумочки фотографии, раскладывает их передо мной, а я не могу отвести взгляда от лагерного номера на ее руке. Не знаю, может, с кожи и можно свести эти цифры — из памяти людской их не вытравить никогда.

О ПОРТУГАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

среди книг

Глубокой ночью 25 апреля 1974 года католическая радиостанция «Ренашенса» передала в эфир первые слова популярной в Португалии песни «Грандула, смуглый городок». Тем немногим слушателям, случайно оказавшимся в столь поздний час у радиоприемников, и в голову не могло прийти, что эти бесхитростные строки предвестили крах полувекового господства фашистского режима. Для подпольной организации португальских офицеров, именовавшейся Движением вооруженных сил, эта незатейливая песенка явилась сигналом к вооруженному выступлению.

Весна, пора цветения гвоздик, принесла португальскому народу долгожданное освобождение от ненавистной тирании. В те дни газеты многих стран обошло изображение малыша, вкладывающего красный цветок в дуло автомата. Алая гвоздика стала символом апрельской революции.

Событиям в Португалии было посвящено бесчисленное количество статей, очерков, репортажей. Когда журналистские страсти несколько поутихли, стали появляться монографии, авторы которых с большей или меньшей степенью объективности пытались исследовать чрезвычайно сложные политические, экономические, социальные аспекты этапов португальской революции.

Знакомясь с трудами буржуазных историков, поневоле обращаешь внимание на ряд закономерностей, объединяющих эти исследования при всей их внешней несхожести. Умалчиваются или искажаются истинные причины падения фашистского режима в Португалии. Западные авторы без зазрения совести фальсифицируют роль и цели Португальской коммунистической партии. Наконец, они почти не упоминают о фактах грубого вмешательства внешних империалистических сил в португальские события.

Вышедшая недавно книга историка-международника В. И. Суханова «Революция гвоздик» в Португалии» дает полные и аргументированные ответы на вопросы, которые сознательно искажают или обходят стороной буржуазные исследователи. Повествуя о наиболее ярких страницах португальской революции, рассказывая о ее главных действующих лицах, рассматривая причины ее взлетов и падений, автор отводит значительное место и детальному анализу информации, которую распространяли в дни «революции гвоздик» западноевропейская и американская пресса, радио, телевидение. Такой анализ позволяет выявить основные приемы и методы организаторов идеологических диверсий империализма, что придает книге наступательный контрпропагандистский характер.

В. Суханов. «Революция гвоздик» в Португалии», М. «Мысль», 1983, 239 с.

«Португальская звезда», «португальский де Голль», «спаситель отечества от фашизма», «величайшая интеллектуальная фигура международного масштаба» — как только не величала Антонию ди Спинолу буржуазная пресса! В книге прослеживаются удивительные превращения «элегантного генерала с моноклем в глазу». Профессиональный военный, он добровольцем сражался на стороне франкистов во время гражданской войны в Испании, знакомился с организационной структурой вермахта в фашистской Германии. Очередное воинское звание получил под Сталинградом, где находился в составе португальской «миссии наблюдения». Будучи командующим Национальной гвардией Лиссабона, разгонял политические демонстрации, участвовал в колониальных войнах в Анголе и в Гвинее. Никогда, во всяком случае, до весны 1974 года, не отличался антифашистскими воззрениями, хотя был известен своими критическими замечаниями в адрес режима Каэтану. 25 апреля 1974 года португальцы узнали, что ди Спинола возглавил пришедший к власти Совет национального спасения. 15 мая генерал становится президентом Португальской Республики, а 30 сентября 1974 года, заявив, что в стране «неизбежны кризис и хаос», уходит в отставку и готовит вооруженные выступления против революционных сил.

Предоставим читателю возможность с помощью книги самому разобраться в хитросплетениях политического пути ди Спинолы, который, как выяснится позже, даже не участвовал в свержении фашистского режима. Отметим только, что не последнюю роль в возвышении «генерала с моноклем» сыграли международные империалистические круги в лице членов пресловутого «Бильдербергского клуба». В эту организацию, которую можно охарактеризовать как «теневой кабинет мирового империализма», входят, как известно, крупнейшие финансовые и промышленные магнаты, влиятельные политические деятели (в том числе представители специальных служб), руководители буржуазных средств массовой информации. Любопытно, что вопрос о создании в Португалии администрации во главе с ди Спинолой обсуждался участниками клуба 19—21 апреля 1974 года во французском городе Межев, в отеле, принадлежавшем Эдмону де Ротшильду.

В книге даны запоминающиеся портреты руководителей Движения вооруженных сил, лидеров основных политических партий Португалии — Васку Гонсалвеша, Кошты Гомеша, Мелу Антунеша, Отелу ди Карвалью, Мариу Соареша, Са Карнейру и других.

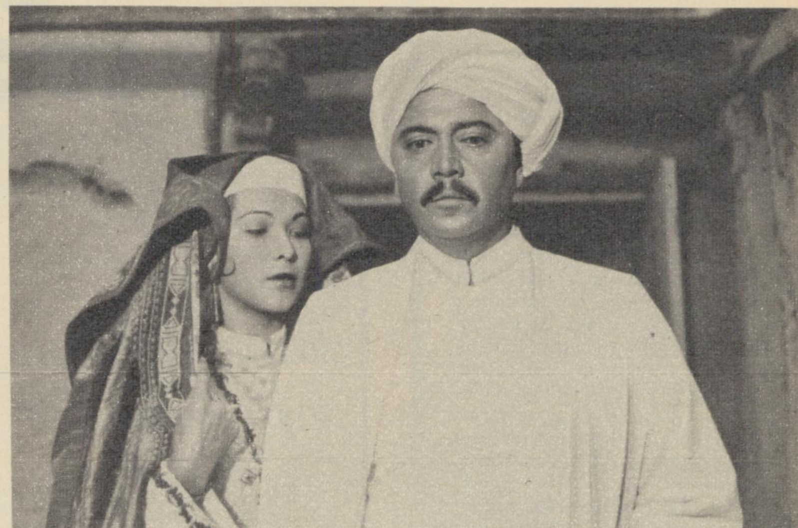
Особое место в книге В. И. Суханова отведено рассказу о португальских коммунистах, их руководителе товарище Алваро Куньяле. Биографии этих людей, как отмечает автор, «могли бы составить сюжет героических романов о революционерах, прошедших сквозь испытания, перед которыми бледнеют страдания известного героя книги Этель Лилиан Войнич». Коммунисты стояли в первых рядах демократических сил, приведших страну к освобождению от фашизма. Они всегда являлись наиболее последовательными защитниками завоеваний апрельской революции. Бдительность коммунистов, их умение сплачивать португальских трудящихся не позволили международной реакции повторить в Португалии «чилийский вариант».

История португальской революции продолжает оставаться объектом острейших идеологических схваток. Попыткам буржуазных авторов исказить ее закономерности, вывести на передний план субъективные, случайные моменты, тенденциозно осветить одни факты и умолчать о других должны противостоять хорошо аргументированные исследования, созданные на основе марксистской методологии, материалистического понимания современных исторических процессов. К числу таких работ можно отнести книгу «Революция гвоздик» в Португалии», написанную живым, образным языком, с привлечением обширного документального материала. О многих фактах и документах советский читатель узнает впервые. Отрадно, что книга снабжена хронологическим и именным указателями, обстоятельными комментариями и примечаниями, а в приложениях даются составы шести временных правительств и приводится текст программы Движения вооруженных сил. Умело подобранные фотографии и использованные в оформлении книги рисунки Алваро Куньяла помогают читателю лучше представить себе события, описываемые автором. Думается, что удачное сочетание научного исследования с публицистичностью изложения откроет этой книге дорогу к широкому кругу читателей.

М. ВЛАДИМИРОВ

КАКИМ ОН БЫЛ, ХАМЗА

По Центральному телевидению прошел третий фильм многосерийного кинoромана «Огненные дороги»: лента «Певец революции».

Зрители уже знакомы с двумя первыми фильмами: «Сердце поэта» и «В поисках истины». Взяв за основу биографию человека выдающегося, коммуниста, одного из основоположников советской узбекской литературы, Хамзы Хакимзаде Ниязи, авторы картины (сценаристы Камиль Яшен, Борис Привалов, Шухрат Аббасов, режиссер Шухрат Аббасов) показывают историю борьбы народа за власть Советов. Появление на телеэкранах столь масштабного произведения (в истории советского телевидения впервые задуман шестнадцатисерийный фильм силами узбекских кинематографистов) показывает вершины, которые ныне доступны нашему многонациональному киноэкрану.

Когда восемь лет назад начиналась работа над кинoроманом, режиссер в беседе с автором этих строк сказал: «Мы любим напоминать, что кинематограф — самое молодое из искусств. А телефильм — самый молодой жанр кино. Он привлекателен и своей возможностью раскрыться по-новому и своей неизведанностью. Но прежде всего — аудиторией. Телевизор смотрят сотни миллионов людей сразу. И ответственность перед зрителем возрастает даже по сравнению с киноэкраном в десятки раз. Ощущение такое, словно выходишь на сцену впервые»...

А говорил это известный уже режиссер, народный артист СССР, получивший десятки призов на крупнейших кинофестивалях. Среди созданных им фильмов были картины «Ты не сирота», «Ташкент — город хлебный», «Абу Рейхан Бируни»... Сейчас можно с уверенностью сказать: в художественном телевизионном творчестве двенадцать серий «Огненных дорог» Шухрата Аббасова завоевали признание не только советского зрителя,— они прошли с успехом во многих странах мира.

Фильм «Певец революции» рассказывает о годах жизни Хамзы, предшествующих Октябрьской революции, о днях Октября в Туркестане. Биография героя необычна: Хамза бесстрашно боролся с царизмом за становление Советов — пером как писатель, штыком как солдат. Но авторы фильма избежали соблазнов детективного построения сюжета, выявляя глубину образа героя, идейную сущность событий.

Шухрат Аббасов верен своему стилю — психологическую остроту он соединяет с масштабностью происходящего. Основной же успех связан с образом самого Хамзы. Вначале артист Ульмас Алиходжаев сдержан, немногословен. Но от сдержанности его не остается и следа, когда он сталкивается с идейным противником, с явной несправедливостью, с попыткой богача унизить бедняка. Тогда взрывается пламенный темперамент Хамзы. Герой сокрушает врага силой оружия, а также силой мысли и поэзии.

Шухрат Аббасов умеет раскрыть возможности каждого артиста независимо от объема роли. Это — редкое искусство. На съемочной площадке режиссер сплотил актеров русских, узбекских, таджикских, грузинских, татарских, осетинских... Все они привносят в фильм что-то свое, особое, личное...

Путешествия Хамзы показывают героя убежденным ленинцем, тонко разбирающимся в политических хитросплетениях; интересны и содержательны эпизоды встреч с Рабиндранатом Тагором, с резидентами зарубежных разведок, с националистами разных толков... Герой как бы растет от эпизода к эпизоду. Суждения его становятся все более зрелыми. Он выступает как солдат большевистской партии, достойный сын своего народа.

Наиболее ярко раскрывается герой в финале. Это эпизод, рассказывающий о создании знаменитой песни-гимна «Яша шуро» — узбекской «Марсельезы». Песня эта была написана в день, когда народ в Петрограде взял Зимний дворец; она стала для Узбекистана поэтическим манифестом революции.

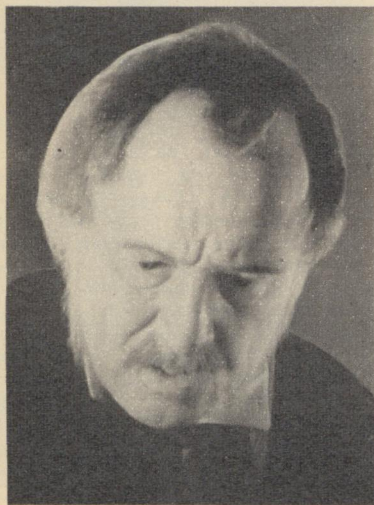
Сейчас съемочный коллектив «Огненных дорог» приступил к работе над заключительными сериями кинoромана.

Осенью будущего года зрители увидят все шестнадцать серий «Огненных дорог» на своих телеэкранах.

Геннадий **ВЯТСКИЙ**

На снимке: кадр из фильма «Певец революции».

ТВ

Народный артист СССР И. Смоктуновский в роли Маргаритова.

ЭТА ПОЗДНЯЯ, САМАЯ ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Выход на экраны ТВ нового фильма «Поздняя любовь» совпал на редкость точно с недавно отмеченным юбилеем А. Н. Островского.

Известно, что великий драматург сам исчерпывающе обозначил и звучание образов и всю в целом тональность своей пьесы, определив ее как «Сцены из жизни захолустья»...

Оно возникает перед нами, это захолустье, печально, а вместе с тем эпически широко. Возникает грустно и сочувственно уже в самых начальных кадрах картины. Безлюдные, глухие улочки, мощенные булыжником; убогие трехоконные домики, где живут — и в тесноте и в обиде — люди, предоставленные самим себе, добывающие свой кусок хлеба кто как может... Захолустная жизнь возникает «без малейшей аффектации», что в свое время подчеркивал как великое достоинство Островского Вл. И. Немирович-Данченко. Возникает как образ человеческой беды. Героям всем плохо. Но все они связаны между собой, и каждый по-своему несет свою ношу. И делает нашим достоянием гениальный замысел драматурга: показать силу человеческой души, которая не гибнет даже в самых тяжких условиях.

Надо ли пересказывать сюжет произведения, которое — магией телевидения — сделалось нынче достоянием миллионов. И, сразу скажем,— достоянием, трогающим зрительское сердце глубокой и правдивой, без малейшего «осовременивания» трактовкой содержания пьесы, образов героев. А это — задача нелегкая. Ведь и в прошлом, при жизни драматурга, случались на сцене и актерские неудачи — «психологические неверности», что замечал сам Островский. Но еще при жизни драматурга все крупные театры России ставили «Позднюю любовь». И все крупные актеры России были заняты в ролях, среди которых нет ни одной «второстепенной», незначительной. Радостно, что нынешняя постановка ТВ убедительно и сильно подтвердила это. И прежде всего подтвердила великое нравственное достоинство «маленького» человека из «захолустья» — разоренного чиновника Маргаритова.

С поразительным проникновением в душевные глубины образа сыгран стряпчий Маргаритов народным артистом СССР И. Смоктуновским. Телевидение — спасибо ему! — почти все время дает крупным планом немолодое, доброе лицо с удивительными, страдающими и кроткими глазами... Честность и доброта не делают, однако, героя безвольным. В нем есть и сила, показывает Смоктуновский. И эта сила — любовь... Быть может, даже самое название пьесы позволяет угадывать еще одну ее скрытую тему, а именно эту беспредельную, почти жертвенную, отцовскую — и, значит, действительно самую позднюю (другой не будет!) любовь...

Открытие Смоктуновским такого героя, каким он показывает Маргаритова,— не только самоотверженного, тихого и смирного, но, вот, оказывается, еще и мудрого, еще и сильного в своей любви,— стало не только подарком зрителю. Советский артист добавил к замечательным трактовкам этого характера крупными художниками сцены (игравшими пьесу еще при жизни А. Н. Островского) новое, глубоко содержательное решение. Он — ведущая скрипка в фильме, где есть, конечно, и другие хорошие актерские работы; особенно интересны братья Шабловы Николай и Дормедонт. Женские образы, увы, решены бледнее... Так ведь еще Островский замечал, что Людмилочку, дочь Маргаритова, играть нелегко: ее борьба между любовью к отцу и любовью к Николаю Шаблову требует от героини серьезной внутренней борьбы, но при этом и большой естественности душевной жизни. А это нелегко! Тем не менее и Людмила Каменковой и купчиха Лебедкина Прокловой, каждая по-своему убедительно, выражают различие своего отношения к Николаю. У одной сердечное, преданное; у другой — лживое и нечистое...

Победил же все-таки Маргаритов Лебедкину!.. Тороватый купец Дороднов (В. Невинный) лихо бросает большие деньги стряпчему в подарок. Деньги становятся приданым Людмилы, а она тут же отдает их Николаю. Жениху. Это — «приданое»...

И вот ведь что удивительно: трогает, более того, радует зрителя финал!..

Казалось бы, да какое нам дело до этих стряпчих, купцов и купчих, всего в целом захолустья, от которого нынче и следов не осталось!.. Ан нет! Живо отзываются в душе и сердце мощные драматические струны Островского... Струны человеческих жизней. Всегда неповторимых. И тем прекрасных и удивительных.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Юрий ЛУШИН

Выгода

О ЛЮДЯХ БЕЗ ДУШИ И СОВЕСТИ

— Убивал-то как?— переспросил Василий А. и охотно, даже увлеченно стал рассказывать:—Я их вешал. Головенку в петлю, раз — и готово. А шкурки потом уже снимал.

— На глазах у детей?

— Я их не звал.

— Что же, и Венеру, мать щенков, тоже на шапку?

— Ну какая с Венерки выгода, мех старый, и вообще собака никудышная — добрая. А в собаке самое главное—злость.— И он показал на свирепого Мухтара, ощерившегося у конуры.

— И шкурки?

— Ну да,— согласился он и, любовно поглаживая мех, продолжал:—Хорошие шапки получатся. Волос невысокий, но пушистый, а на конце, видите, как бы расщепляется. Потому и пушистость. Я это сразу углядел, когда щенки появились. Кстати, у людей тоже иногда такой волос бывает. Не замечали?

— Ребятишки рассказывали, что Венера даже улыбаться умела — такая собака была.

— Не замечал. В тот самый день я приказал Борьке, сыну своему, отвести ее куда подальше да привязать, чтобы дорогу обратно не нашла...

— И чтобы шкуры сдирать не мешала с братьев наших меньших?

— Да что вы все заладили — братья да братья. Собаки такие же животные, как овца или теленок, однако их мы убиваем и едим. И никто не возмущается. Нашли тоже мне братьев. Смешно.

Ему было смешно после всего сделанного, мне — страшно. Мы не могли понять друг друга, мы говорили на разных языках. Ему бесполезно было рассказывать о древней дружбе, связавшей человека и собаку, о верной собачьей службе, просто о радости, которую доставляет общение с собакой, о памятниках, сооруженных людьми в честь выдающихся собак, например, в Альпах или под Ленинградом. «Мое животное, что хочу, то с ним и сделаю»,— твердил он. Бесполезно было цитировать знаменитую «Песнь о собаке» Сергея Есенина.

Нет, он не понимал. Все это было ему смешно. Один из создателей этологии, науки о поведении животных, выдающийся ученый Конрад Лоренц, так писал в книге «Человек находит друга»: «Изучение гармонического согласия, царящего между хозяином и собакой, дает чрезвычайно много для понимания психологии как людей, так и животных... Выбор собаки уже говорит о многом, а еще больше можно узнать из отношений, складывающихся затем между человеком и его подопечным». В нашем случае о гармонии говорить не приходится, хотя Василий А. утверждал, что собачек любит. Злость в них любит и еще кое-что. Рассказывал: «Была у нас на Алтае собака Пиявка. Натравлю ее на теленка, так она всеми зубами в него вцепится — не оторвешь. Ножом зубы разжимал. А теленок орет от боли — умора... С этими животными вообще чудеса. Заставил однажды кошку щенка выкармливать вместо котят. Выкормила. Котята куда делись? А убил я их...» Такая вот «любовь». В пушистых комочках слепых щенков она помогла разглядеть ему будущие шапки, и он полюбил щенков... ровно на три месяца (дольше гармония длиться не могла, потому что мех не улучшился бы). Выгода, грошовая выгода ослепила его душу. Есть ли у него душа и нужна ли она ему?

Вместо нее и тут убогий принцип — все на продажу. Это удобно — освобождает от нравственных переживаний, предает забвению совесть. Это и выгодно — приносит какой-никакой доход, меха нынче в цене всякие. При этом он в присутствии сына-школьника вполне серьезно рассуждал, что подобное отношение к животным, пусть на первый взгляд и жестокое, воспитывает у детей... гуманность. Я не думаю, что он лицемерил, он действительно был в этом уверен. И это страшно... Прошлым летом в Киргизии, на берегу чистой горной реки я видел, как молодой парень сдирал шкуру с живого ужонка. Меня это потрясло, а он, смеясь, объяснял, что во Фрунзе пошла мода на ремешки для часов из кожи ужей и змей, подсчитывал, сколько заработает. По странному совпадению, а скорее по внутренней логике он тоже рассуждал о гуманном отношении к природе (уничтожает, дескать, никому не нужных тварей). Как же нам быть с такими «гуманистами»?

...Василий приканчивал шестого щенка. Устал. Жертвы визжали. Те, до кого очередь еще не дошла, пытались с ним играть. Через забор заглядывали соседские дети, иногда взрослые, что-то кричали ему. Какой-то женщине от увиденного стало плохо, вызвали «Скорую помощь». Он ничего не слышал, увлекся, да и некогда было. Потом позвала жена: «Обедать, Вася». Он ополоснул красные руки, сел за стол. Вовремя. Прибежали с улицы младший его сын Вадим и соседская девочка Оля. Они знали об участи щенков (Василий не скрывал этого с самого начала), но просили оставить в живых своих любимцев — Рыжика и Куклу. Эти двое как раз и бегали теперь по двору. Дети обрадовались... По странному стечению обстоятельств по телевизору показывали цирковых собачек. Они прыгали сквозь обруч или друг через друга, ходили на задних лапах, играли в мяч, а совсем маленькие изображали жокеев, сидя на спинах мощных боксеров. За столом все веселились, Василий одобрительно приговаривал: «Ай да молодцы!» Но ему и в голову не пришло, что так же радовать могут и Рыжик с Куклой и другие щенки, которых у него просили окрестные ребятишки, а он не отдал. Передача кончилась, дети ушли на улицу. Тогда он встал, чтобы добить оставшихся в живых. Борис, его любимец, помог поймать щенков, потом сказал:

— Сбегаю, пожалуй, в зоопарк, предложу щенячье мясо на корм зверям, авось купят...

— Молодец,— похвалил отец,— все выгода будет.

Выгоды, однако, не получилось, от трупов щенков в зоопарке отказались. Когда вернулся младший сын, двор был пуст, и Вадька заплакал, повизгивая по-щенячьи...

Вот и вся история. Кто, какие обстоятельства сделали Василия А. таким, какой он есть? Ведь ничто на земле не проходит бесследно. Может быть, первым толчком был случай, когда Пират, пастушеская собака, спас его в детстве от волка, с трудом оправился от полученных в схватке ран, но тут же был обменен с большой выгодой, как считал его отец, на нужную в хозяйстве вещь? Не тогда ли ему, мальчишке, дали понять, что главная ценность в жизни — выгода? Не тогда ли начала глохнуть и черстветь его душа? А теперь вот как это откликнулось. Мне страшны равнодушие и жестокость Василия А. Мне страшно за будущее его детей. Но мне страшно также равнодушие его соседей, людей, которые знали о готовящемся убийстве, а если даже и не знали, то, увидев его начало (а ведь видели, видели), ничем ему не помешали. Ни словом, ни делом. А на деле-то как раз и вышло, что они оказались союзниками шкуродера, потому что все происходило с их молчаливого согласия. Теперь возмущаются. Утверждают, что и в тот страшный день возмущались... про себя, но нашему Васе их возмущение было, как говорится, до лампочки. Сейчас, впрочем, тоже...

* * *

Я не называю фамилий действующих лиц (имена подлинные) не потому, что мне их жалко, а потому, что у них есть дети. И, несмотря ни на что, я хочу верить: дети станут все-таки настоящими людьми.

ВМЕСТЕ ТРИСТА ЛЕТ

На льнокомбинате в Вологде работает более трех тысяч человек, в основном женщины. Наша продукция — это красивые льняные ткани. Из них шьют платья, белье, рубашки, занавеси, делают бортовку (ту, без которой пальто или костюм не сошьешь). Много у нас хороших, трудолюбивых людей. Я же хочу рассказать об одной ткачихе, с которой работаю в одном цехе — Вере Матвеевне Дунаевой. В восемьдесят первом году она была лучшей по комбинату, в прошлом году — лучшей ткачихой Российской Федерации. Обслуживает она двенадцать станков.

Девчонкой приехала Вера Матвеевна в Вологду еще в тридцатые годы. Очень нравился ей заводской гудок, и мечтала она стать ткачихой. Поступила в фабрично-заводское училище. И с тех пор на комбинате. Здесь и замуж вышла. Династия Дунаевых — свекровь, муж, три золовки — проработала на комбинате в общей сложности почти триста лет. А тканью, которую выработала Вера Матвеевна, можно одеть женщин пяти таких городов, как Вологда.

Всю жизнь она учится: то новые станки осваивает, то новую технологию. В ее трудовой книжке — двадцать восемь поощрений.

А если бы вы видели, как она поет и пляшет — молодым не уступит. А какие частушки сочиняет! И все Вера Матвеевна успевает: и двух хороших дочек вырастила (старшая учится в педагогическом институте, младшая — школьница), она и член цехкома и дружинница. Многие молодые берут с нее пример.

М. А. ШУМКОВА,
ткачиха Вологодского льнокомбината имени 50-летия ВЛКСМ

Вологда.

ПЬЯНСТВО НА КОЛЕСАХ

Прочитав в журнале «Огонек» № 13 ответ заместителя начальника Главного управления вагонного хозяйства Министерства путей сообщения В. И. Калашникова о мерах, которые принимаются для ликвидации неудовлетворительного обслуживания пассажиров в поездах и на вокзалах, решил вам написать о следующем.

С 5 по 11 апреля 1983 года мне пришлось ехать фирменным поездом № 1 «Россия» из Хабаровска до Москвы. Лет пять — семь тому назад этот поезд был образцовым, ехать в нем неделю было приятно: в купе и коридорах чисто, лежали ковровые дорожки, проводники выполняли любую просьбу пассажира, даже в вагоне компостировали билеты пассажирам, едущим с пересадкой. Казалось бы, сегодня все должно быть еще лучше, но я встретил в своем купейном вагоне № 10 такое, что пожалел о том, что поехал этим поездом!

Вот факты. Проводники вагона — молодые ребята, один работает шесть лет, а другой практикант. Оба почти ежедневно были в нетрезвом состоянии. В их купе собирались работники ресторана и по вечерам устраивали попойки. Уборку вагона делали от случая к случаю, нерегулярно. Конечно же, в вагоне было грязно. В купе и коридоре дорожки старые, грязные, а за двое суток перед Москвой их совсем убрали. Уборку туалета не делали вообще.

В первые дни поездки проводники давали чай два раза — вечером и утром. Потом один раз в день, а перед Москвой и вовсе были без чая. Проводники отвечали, что у них нет стаканов, якобы пассажиры все растащили. Обратились к бригадиру поезда с просьбой перекомпостировать билеты, на что он сказал: это было раньше, а теперь заказ не принимают. За двое суток до Москвы перестали топить вагон, не было угля. Зато в соседнем вагоне № 11, где проводниками были девушки, уголь был, и пассажиры не мерзли. У наших проводников нет времени заправляться углем, они заправлялись спиртным. Постельное белье, старое, с дырами и плохо постиранное, отобрали у нас за 12 часов до приезда в Москву. Даже выселили пассажиров из первого купе, чтобы складывать туда постельное белье.

Такое наплевательское отношение к пассажирам в любом поезде нетерпимо, а в фирменном особенно. Поезд Владивосток — Москва дальнего следования, в котором люди едут семь дней, он обязательно должен быть образцовым.

Х. КАРЕПОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

Хабаровск.

искусству отданный досуг

юбиляры народного театра

...Шел вечер. Большой вечер в переполненном зале. Много было веселых, трогательных, незабываемых минут. Ведь все тридцать лет Беллы Васильевны Бровкиной, без остатка отданные самодеятельной сцене, прошли, кажется, перед ее глазами. А она, смущенная, принимала цветы, слушала похвалы и поздравления, не веря, что все это говорится в ее адрес. А говорилось лишь то, что было заслужено долгим неустанным трудом.

Многим проложил путь на самодеятельную сцену драмколлектив пензенского Дворца пионеров; именно там начинала школьница Белла Бровкина пробовать свои актерские силы, играя Вику в популярной тогда пьесе Л. Гераскиной «Аттестат зрелости».

А потом и студенческие годы остались связаны с театром. Кто-то уходил в турпоход, кто-то на спортивные состязания, а Белла все репетировала новые роли. Она была Леной в пьесе В. Гусева «Слава». Играла Варвару в «Егоре Булычове» М. Горького, Наташу — в «Чудесном сплаве» В. Киршона... И когда, окончив институт, пришла — как инженер — на завод имени Масленникова в Куйбышеве, то театральный коллектив Дворца культуры «Звезда» встретил ее дружески и с интересом: у самодеятельной актрисы уже был солидный творческий багаж.

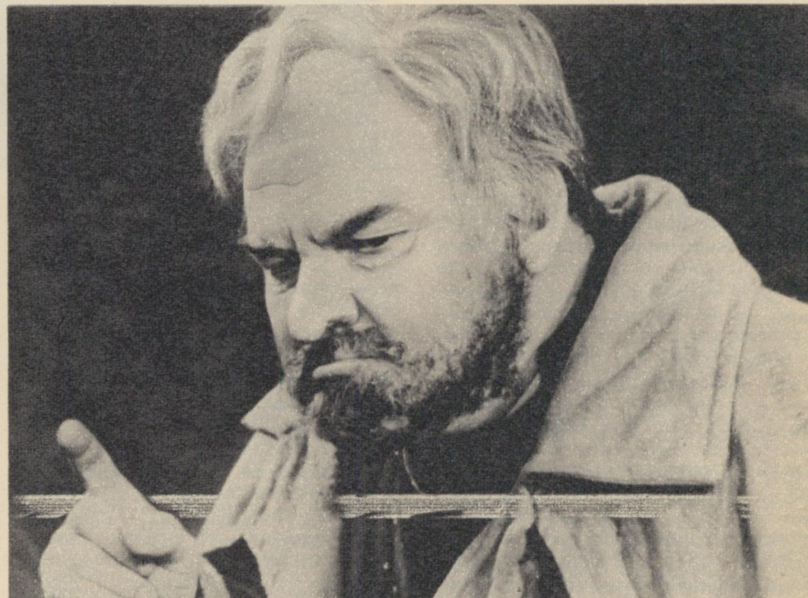
Заводской драматический коллектив, получивший звание народного театра, прочно поддерживает и развивает любовь к искусству. Здесь ценят всех, кого интересует сцена. И не только Белла Васильевна Бровкина праздновала тридцатилетие сценической деятельности. «Виновником» юбилейного торжества был также и Владимир Иванович Третьяков, инженер, главный специалист Куйбышевского филиала всесоюзного проектного института «Гидропроект». И ему помогла утвердиться и развить дарование самодеятельная сцена, народный театр, стремящийся помочь каждому актеру-любителю найти и развить искусство в себе, а не себя в искусстве — как учил Станиславский... Сейчас иные зрители даже не верят, что самодеятельный актер может играть так профессионально. А Владимир Иванович вкладывает всю душу в свои роли. Его любимые образы — Мурзавецкий в пьесе Островского «Волки и овцы», Громов в «Аристократах» Погодина и многие другие. И каждая роль — творческая веха в постоянном совершенствовании, непрестанном поиске...

Куйбышев.

А. ГЕЛИС

«Разлом» Лавренева. Б. Бровкина — в роли Софьи Петровны; Татьяна — медработник Э. Янковская.

«Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островского. Крутицкий — В. Третьяков.

славные имена

Жизнь поэта

Николай СКАТОВ

Алексей Кольцов.

Никакого систематического образования Кольцов не получил: отец взял его из второго класса уездного училища. Но из этого еще не следует, чтобы он не был причастен к образованию и именно к такому, какое получали молодые люди губернского города в учебных заведениях достаточно привилегированных.

Прежде всего таким заведением стала гимназия.

Существовал гимназический литературный кружок. Кольцов, не учившийся в гимназии, как вспоминает современник, «не только бывал на собраниях этого кружка, но и относился к нему с полным сочувствием».

Существовало в Воронеже и учебное заведение если формально не более высокого типа, то, без сомнения, с большими культурными традициями, с более сильным и уже не только преподавательским, но профессорским составом. Это была духовная семинария. «Почти все замечательные люди нашей местности,— писал один из старых краеведов,— имеют самое близкое отношение к Воронежской семинарии: они или учились или учили в ней, или же развивались под посредственным или непосредственным ее влиянием, в этом отношении довольно указать на Евфимия Болховитинова, Серебрянского, Никитина и Кольцова».

В семинарии тоже работали свои литературные кружки, более серьезные и просто более профессиональные, сравнительно с гимназическими.

Одним из самых замечательных участников был Андрей Порфирьевич Серебрянский.

Поступивший в семинарию еще в 1825 году сын сельского священника ко времени знакомства с Кольцовым был студентом (так тогда называли семинаристов) четвертого класса, то есть человеком достаточно образованным.

Серебрянский стал вторым после Кашкина, более высокого ранга критиком, руководителем и наставником. И не только в собственно литературном, но и в более широком мировоззренческом плане. Тем более что за фигурой Серебрянского в картине духовной жизни Воронежа вырисовывается еще ряд очень колоритных фигур, к которым прямо или опосредованно, главным образом через того же Серебрянского, стал причастен Кольцов.

Прежде всего это профессор Воронежской семинарии Платон Ставров, который читал в семинарии философию (кстати сказать, на латыни). Высокообразованный Ставров был широко осведомлен в современных философских системах и направлениях, хотя сам отдавал предпочтение просветительству XVIII века.

Вообще философские интересы учащихся семинарии были всегда достаточно разносторонними: Декарт и Кант, Н. Новиков и Я. Козельский, Монтень и Руссо. Горячим поклонником и восторженным учеником Ставрова и стал Серебрянский.

Конечно, эмоциональный, впечатлительный Серебрянский не мог не знакомить Кольцова с теми идеями и сведениями, которые получал от своего семинарского профессора да еще и пытался перелагать в стихи.

Таким образом, можно довольно уверенно говорить о том, что начатки философского образования и приобщение к раздумьям над коренными вопросами бытия Кольцов получал от очень интересных, осведомленных и увлеченных людей.

В августе 1829 года неподалеку от Воронежа на постоялом дворе села Можайского он знакомится с Александром Дмитриевичем Вельяминовым. Вельяминов преподавал философию и физико-математические науки и был не только профессором семинарии, но и ее библиотекарем. Так открылась перед Кольцовым семинарская библиотека. Кроме того, Вельяминов снабжал Кольцова книгами из своей библиотеки и из библиотек своих знакомых. Появился еще один важный книжный источник, из которого можно было свободно черпать.

А семинарская библиотека Воронежа — заведение во многих отношениях замечательное — занимала третье место среди подобных библиотек после Новгородской и Троице-Лаврской. Так, по каталогу 1784 года в ней насчитывалось более четырех тысяч названий, из них около полутора тысяч русских.

Замечательно то, что Кольцова всю жизнь прямо выносило на интересные, значительные и значительнейшие встречи и знакомства. Его недальний поэтический по Воронежу наследник Иван Саввич Никитин был вроде и образованнее Кольцова (в семинарии поучился), но остался в своих общениях провинциален, без всяких выходов в большую литературу: переписка с Ап. Майковым — чуть ли не все. Кольцов же, четыре раза за свою жизнь сумевший выехать в столицы, охватит буквально всю русскую словесность: знакомство с Пушкиным и Вяземским, Жуковским и Станкевичем, дружба с В. Одоевским и Бакуниным, Боткиным и Белинским. Он все время как бы искал меру себе, и ни одной он не оказался недостоин, другое дело, что уже он не всем был по плечу.

РУССКАЯ ПЕСНЯ. СТОЛИЦЫ: 1836—1838

В 1831 году в московской газете «Листок» впервые печатаются стихи под фамилией поэта Кольцова.

В том же году его стихи опубликовала уже не маленькая литературная газета «Листок», но «большая» настоящая «Литературная газета», во главе которой стояли Дельвиг, Вяземский, Пушкин. Наверное, потому, что и стихи Кольцова, в ней помещенные, были настоящими и в его настоящем жанре — впервые с печатной страницы глядела кольцовская «русская песня» — под таким названием оно и было напечатано:

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Николай Станкевич, а именно он переслал стихотворение в «Литературную газету», видимо, первым понял, что такое подлинный Кольцов.

Станкевич же способствовал и выходу его первой книжки. Вся эта история была представлена уже первым биографом поэта Я. М. Неверовым в 1836 году в журнале «Сын отечества» в духе сентиментально-идиллическом: «Вскоре... случай свел г. Кольцова с другим молодым литератором, который заметил этот талант в тиши, в безвестности напевавший сладкие и приятные песни, вверявший мечты и жизнь бумаге, коей, казалось, суждено было быть безответною могилою этих поэтических отголосков. Кольцов был понят, оценен,— и молодой литератор великодушно взял на себя труд и издержки печатания».

Применительно к такому «сюжету», как жизнь Кольцова, эта литературная инерция готова была ломать факты, не говоря уже об их освещении. Она оказала влияние даже на Герцена и Белинского, прошла через весь девятнадцатый век, докатилась до нашего времени. И до сих пор даже в вузовском литературном учебнике пишут о том, что «в 1835 году на средства Станкевича была издана книга стихов Кольцова».

Между тем тогда же сам Станкевич урезонивал Неверова: «Я не сердился, а смеялся за строки, напечатанные тобою в «Сыне отечества». Чудак! С чего тебе вздумалось величать меня литератором и великодушным. Ведь ты очень хорошо знал, что прославление моего великодушия вовсе мне не приятно; даже если б я в самом деле напечатал книжку в лист на свой счет,— а она напечатана по подписке, сделанной в один вечер».

И сам Кольцов, решись он, мог издать на свои собственные средства не одну такую книгу.

В 1837 году, когда поэт думал об издании нового сборника, то писал принимавшему участие в этом деле А. Краевскому: «Вы хлопочете, чтобы ее продать какому-нибудь книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такие безделицы продавать дороже стыдно... Еще мне бы хотелось напечатать на хорошей бумаге, пороскошней». 300—500 рублей — «и хлопотать нечего»!

Как видим, и говорить не приходится о меценатстве, о покровительстве, оказываемом богатыми людьми бедному человеку из народа при подготовке к изданию первого его сборника, который стал при жизни Кольцова и последним. Но для Кольцова такое издание, очевидно, важно было именно как факт литературного и общественного признания, как чья-то высшая, в данном случае Станкевича и его круга, санкция.

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

В то же время книга 1835 года была и итогом, укрепившим самого поэта в сознании своей силы и своего призвания.

Сейчас мы, говоря о кольцовском творчестве, обычно называем самую характерную его литературную форму просто песней. Сам же Кольцов почти неизменно настаивает на другом: «Глаза» (русская песня), «Измена суженой» (русская песня), или, и чаще, «Русская песня» («Ах, зачем меня...»), «Русская песня» («В поле ветер...»), «Русская песня» («Так и рвется душа...»).

Но отнюдь не абстрактные сами по себе начала национальной народной жизни владеют поэзией Кольцова.

«Для искусства,— писал Белинский,— нет более благородного и высокого предмета, как человек,— и чтобы иметь право на изображение искусства, человеку нужно быть человеком... И у мужика есть душа и сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть, словом — есть жизнь. Но чтобы изобразить жизнь мужиков, надо уловить... идею этой жизни». Именно «идею» жизни «мужиков» и выразила поэзия Кольцова.

Когда-то Глеб Успенский писал как о главном, всеохватывающем и всепроникающем начале такой жизни — о власти земли. Но у Успенского понятие «власть земли» раскрывается и как особый характер отношений с природой, так что слово «земля», по сути, оказывается синонимом слова «природа». Такие отношения зиждутся на особом характере земледельческого труда. В качестве одного из главных аргументов Успенский и привел поэзию Кольцова как поэта земледельческого труда. Подобно Пушкину, Кольцов мог бы произнести, что и он в «жестокий век» «восславил свободу», ибо человек Кольцова — это прежде всего свободный человек, в подлинном смысле слова «землепашец вольный». Есть у Кольцова стихотворение, которое, может быть, наиболее полно выражает такую «идею» земледельческого труда. Это многими поколениями заученная, прославленная, хрестоматийная «Песня пахаря». «В целой русской литературе едва ли найдется что-либо, даже издали подходящее к этой песне, производящее на душу столь могучее впечатление»,— писал в 1856 году Салтыков-Щедрин.

Вообще Кольцов осуществил уникальный в своем роде эстетический акт, очень значимый в деле становления, а отчасти и восстановления национального мироощущения. Недаром именно в русском эпосе располагается его предтеча.

А орет в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают...

Это ратай, Микула Селянинович, у Кольцова заговоривший:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Без Микулы Селяниновича не было бы никакого кольцовского пахаря. Без кольцовского пахаря мы никогда бы так естественно не ощутили Микулу Селяниновича, да и всего нашего народного эпоса, столь кровно, задушевно и лично. Кстати, вряд ли и в школах целесообразно изучать эту былину, не подкрепляя ее изучением Кольцова,— рушится связь времен. И здесь, в самой обращенности в прошлое, Кольцов не закладывает ли основы и искусства будущего? Так что, может быть, не случайно Некрасов назвал песни Кольцова «вещими».

В «Песне пахаря» — не просто поэзия труда вообще, да и вряд ли такая возможна, ибо поэзия абстрактного труда неизбежно должна приобрести абстрактный характер, то есть перестать быть поэзией. Это поэзия труда одухотворенного, органичного, носящего всеобщий, но не отвлеченный характер, включенного в природу, чуть ли не в космос, ощущающего себя в нем и его в себе.

В статье «Народные песни старой Франции», разбирая «Песни пахаря», Анатоль Франс писал: «...Спору нет, жизнь землепашца сурова. Жалобы провансальского пахаря, погоняющего своих волов, неизбежно трогают нас, так же как жалобы его беррийского сотоварища. И все же для нас очевидно, что к этим жалобам примешиваются радость, удовлетворение и гордость».

И провансальская песня, и сиракузская буколика, и русская песня — все эти песни пахаря близки друг другу, так как имеют один общий родовой корень — труд на земле. Потому-то, как несущий духовное начало, сам труд радостен и весел: «Весело на пашне... Весело я лажу... Весело гляжу я...» Труд этот органично связан с природой; потому-то и природа одухотворенная, ощущается тоже как организм.

У Кольцова нет «пейзажей», у него предстает не этот ландшафт, тем более не просто сельский вид, а глобальная жизнь всего колоссального земного организма:

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;
Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор...

Здесь одним взглядом охвачено все сразу: поля и горы, солнце и тучи, гроза и радуга, «все стороны света белого» — зрелище космическое.

Герои Кольцова укреплены в труде, в природе, в истории, в традиции. Вот чем определена их сила и мощь. Это тоже укоризна современности, упрек, подобный тому, что бросил другой великий поэт того времени Лермонтов: «Богатыри — не вы».

Герой Кольцова знает свою родословную:

У меня ль плечо —
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.

Создателем именно русской песни Кольцов и явился в 1836 году в Москву, явился Кольцовым, уже гением. Правда, пока только в такой песне проявившимся и реализовавшимся.

«1836 год,— писал Белинский,— был эпохою в жизни Кольцова. По делам отца своего он должен был побывать в Москве и Петербурге и пробыть довольно долгое время в обеих столицах».

Кольцову повезло. Он попал в самый центр московской духовной жизни. Н. Станкевич эту зиму жил в Москве, объединяя все лучшее, что тогда вообще имела московская литература. Белинский уже приобрел свое влияние, а «Телескоп», главным критиком которого он был, становился ведущим журналом.

Вскоре после такого освоения московской литературной жизни Кольцов переезжает в Петербург и входит в петербургский круг литераторов.

В сравнительно короткий срок он, явившись с письмом от Станкевича к Неверову, по цепочке переходит к Краевскому, далее к Жуковскому и восходит до Пушкина. Все это время — период первых знакомств, ориентаций, выбора.

Больший или меньший интерес к Кольцову проявляли все, но понимали его лишь немногие. Замечательная особенность: снисходительность обнаруживали главным образом литераторы как раз сравнительно средней руки. И открыть Кольцова этим господам средней руки было нелегко, потому что сам поэт держался достаточно замкнуто и был немногословен. И. И. Панаев позднее признался: «...этот необразованный мужичок понимал гораздо более и смотрел на литературу гораздо глубже многих из так называемых образованных литераторов и своих покровителей».

Кольцов недаром называл «век», прожитый им тогда в Петербурге, золотым. Он показался золотым поэту Кольцову, может быть, потому, что и в целом оказался золотым веком русской литературы, русской поэзии. И, конечно, прежде всего потому, что это был пушкинский век. Золотой, недолгий, пушкинский век.

Современник передает рассказ самого Кольцова о его первом визите к Пушкину уже после второго (!) приглашения. «Казалось,— говорил Кольцов,— Пушкин предчувствовал свою близкую кончину и спешил воспользоваться кратким временем, назначенным ему судьбою, трудился день и ночь, никуда не выезжал и никого к себе не принимал, исключая самых коротких своих друзей». Едва Кольцов сказал ему свое имя, как Пушкин схватил его за руку и сказал: «Здравствуй, любезный друг, я давно желал тебя видеть». Кольцов пробыл у него довольно долго и потом был у него еще несколько раз. Он никому не говорил, о чем он беседовал с Пушкиным, и когда рассказывал о своем свидании с ним, то погружался в какое-то раздумье».

Пушкин высоко оценил Кольцова. Есть свидетельства тому и прямые и косвенные.

При всем том он, очевидно, был строг и, главное, лишен той снисходительной умиленности, которая отличала тогда отношение к Кольцову (поэт из народа) многих литературных людей.

В 1838 году Кольцов снова почти полгода прожил сначала в Москве, потом в Петербурге и снова в Москве. Уже в июне, по возвращении домой, он напишет Белинскому: «Эти последние два месяца стоили для меня дороже пяти лет воронежской жизни». «Последние два месяца» обращены, собственно, к Белинскому, но, если уж говорить об арифметике, то в таком случае можно было бы сказать, что шесть месяцев столичной жизни стоили пятнадцати лет воронежской. Конечно, дело не в арифметике, она здесь лишь образ той необычной концентрированности в духовной жизни, которую второй раз пришлось после 1836 года пережить Кольцову, поражающей воображение интенсивностью такой жизни, многообразием сфер, в которых она находила выражение. Трудно назвать какое-нибудь яркое художественное явление этого времени в литературе, музыке или живописи, мимо которого прошел бы приехавший в столицы по тяжебным делам воронежский прасол. Кажется, нельзя вспомнить ни одного более или менее примечательного деятеля литературно-интеллектуальной жизни из бывших в ту пору в столицах, с кем бы Кольцов в свои последние годы и в те месяцы этих годов, которые жил он в столицах, не общался, не разговаривал, не спорил, не переписывался.

Любопытно, что и поэт тянется к людям философского склада ума, и они к нему тянутся. Н. Станкевич и М. Катков, М. Бакунин и В. Боткин, В. Белинский и В. Одоевский увидели и оценили в нем глубокий и оригинальный философский ум.

При этом органичный философский универсализм Кольцова не предполагал узкого философствования. Кстати сказать, о кольцовских занятиях философией, видимо, было достаточно широко известно. Позднее, в 1841 году, Кольцов писал Белинскому из Москвы: «Жуковский в Москве. Я у него был; говорил мне, что он слышал, что я немного знаю философию, жалеет об этом; советует бросить все к черту».

Сам поэт писал брату покойного поэта Дмитрия Веневитинова Алексею: «...за всеми недосугами читаю, пишу, и пусть впереди будет хуже, я все-таки буду идти тем путем, которым давно иду, куда бы ни дошел, все равно; в понимании явлений жизни — лучшая жизнь человека».

Речь идет именно не об академическом восприятии философии, хотя, как пишет Кольцов, «...рад каждую статью философскую, как и статью о Шекспире, читать и уважать».

Само упоминание Шекспира здесь вряд ли случайно. С таким подходом к жизни, к охвату глобальных проблем бытия, к универсальному освоению его и в искусстве нужно было пытаться найти нечто всепокрывающее, всеохватное, абсолютное. Таким явлением стал для Кольцова в конце 30-х годов Шекспир.

Освоение Шекспира — переводы, споры, театральные постановки первостепенного значения — характерная примета второй половины русских тридцатых годов.

Именно одержимость Шекспиром и ощущение Шекспира подвигли Кольцова не только на постоянные чтения, но и на заявления, часто смелые и категоричные, заставляли внимательно следить за усилиями переводчиков и жадно внимать спорам и суждениям на эту тему.

«...Однажды,— вспоминает А. М. Юдин,— читая при мне некоторые сцены из шекспировской драмы «Ромео и Джульетта», переведенной Катковым, особенно прочел он с необыкновенным воодушевлением сцену, представляющую свидание Ромео и Джульетты ночью, в саду Капулетти. Окончив чтение, он вскричал: «Вот был истинный поэт! А мы что?»

Это ощущение — «а мы что?» — постоянно толкало Кольцова вперед, определяло энергичнейшую внутреннюю работу в нем,— понимание, что такое истинный поэт и что такое истинная поэзия. Такое ощущение не было только естественной читательской реакцией, но, как показывает дума «Шекспир» (печатается под названием «Поэт»), точным, именно поэтическим ощущением гения и гениальности.

Петрашевцы недаром смотрели на Кольцова как на один из залогов национального развития, как на «второго Ломоносова». В письмах Кольцова поражает прежде всего универсализм, своеобразная эстетическая и интеллектуальная энциклопедичность. «Нет голоса в душе быть купцом,— пишет он Белинскому,— а все мне говорит душа день и ночь, хочет бросить все занятия торговли — и сесть в горницу, читать, учиться. Мне бы хотелось теперь сначала поучить хорошенько свою русскую историю, потом естественную, всемирную, потом выучиться по-немецки, читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономию, географию, ботанику, физиологию, зоологию, Библию, Евангелие (...) Вот мои желанья, и, кроме их, у меня ничего нет. Может быть, это бред души больной и слабой, но мне бы все-таки хотелось бы это сделать, и я уж начал понемногу и кое-что прочел».

То, что пишет Кольцов о своих чтениях, отнюдь не маниловский «бред души больной и слабой». Выучиться по-немецки было делом наиболее возможным, так как какие-то начальные основы изучения закладывались уже

в уездном училище. Это открывало прямой путь не только к Гете и Гегелю, но и к Байрону, а главное — к Шекспиру, ибо немцами-то все это тогда в отличие от русских уже было переведено. Чтение Библии и Евангелия совмещалось с изучением «Физиологии» Велланского.

«Да надо,— продолжает поэт,— непременно изучить живопись и скульптуру. Они все вещи чудесные, и для человека, который пишет стихи, особенно необходимы».

Кольцов общался со многими художниками, прежде всего с А. Г. Венециановым и его кругом, и не случайно, ведь Венецианов являл что-то вроде аналога Кольцову в живописи, но интересно, что Кольцова очень любил и Карл Брюллов.

В 1838 году Кольцов написал «Мир музыки», написал сразу под влиянием музыкального вечера у Боткина. Вообще отношение к музыке было у Кольцова особое.

Конечно, поэт постоянно жил в музыкальной воронежской песенной стихии — и в селах и дома. Однако многократно у него отмечена предельная острота реакции как раз на «высокую», «ученую», классическую музыку. И дело не столько в частых посещениях концертов, хотя Кольцов, кажется, не упустил ни одной из столичных театрально-музыкальных возможностей, сколько в силе восприятия. По воспоминаниям Юдина, слушая игру знаменитого виолончелиста Серве, Кольцов «дрожал, как в лихорадке».

А вот как он слушает и тоже знаменитую певицу-иностранку: «Недавно был я на концерте. Пела Паста, итальянка, женщина 48 лет; но боже мой! — что за голос, что за музыка, что за звуки, за грация, что за искусство, что за сила, за энергия, в этом голосе роскошного Запада!.. Чудеса! Диво дивное, чудо чудное! Я весь был очарован, упоен ее звуками; кровь вся в жилах кипела кипятком».

Все это в столицах: в Петербурге, в Москве. А в Воронеже?

ВОРОНЕЖ И СТОЛИЦЫ: 1840

«Милый Виссарион Григорьевич!,— пишет Кольцов Белинскому уже из Воронежа.— Здесь вот он — я. Весь день пробыл на заводе, любовался на битый скот и на людей оборванных, опачканных в грязи, облитых кровью с ног до головы. Что делать? дела житейские такие завсегда... Ох, совсем было погряз в этой матерьальной жизни, в кипятку страстей, страстишек, дел и делишек...»

«Матерьальность» все чаще является у Кольцова обозначением общего строя воронежской жизни, не всегда точно определяемой категорией общего жизненного уклада, знаком всего, что не приемлет ум и душа. Но, может быть, еще сложнее и драматичнее выглядит дело там, где выступала не материальная, а, так сказать, «духовная» сторона воронежской жизни.

«С моими знакомыми расхожусь помаленьку. Наскучили все они — разговоры пошлые. Я хотел с приезда уверить их, что они криво смотрят на вещи, ошибочно понимают; толковал и так и так. Они надо мной смеются, думают, что я несу им вздор. Я повернул от них себя на другую дорогу; хотел их научить — да ба!.. Уж видно, как кого господь умудрил, так он с своею мудростью и умрет».

Господь умудрил воронежского прасола гениальностью, за которую ему скоро пришлось расплачиваться.

Биограф Кольцова М. Ф. де Пуле в свое время представлял Кольцова после возвращения из Москвы верным учеником Белинского и «пропагандистом» его идей.

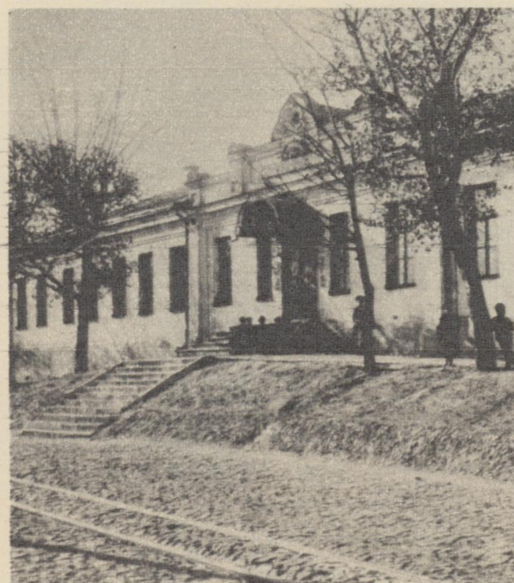
К тому же консерватизм известной провинциальности подкреплялся у де Пуле и консерватизмом общественно-политическим: в Белинском он, подобно многим, видел чуть ли не злого гения поэта, смутившего и «развратившего» «органичный», «непосредственный», «чистый» талант Кольцова, натурального человека, представителя неиспорченного народа, вдруг под чуждым влиянием заявившего непомерные претензии.

Кольцову указывали: «Знай свой шесток». Такое указывание даже не было только проявлением злой воли. Ведь «на своем шестке», если уж до конца воспользоваться сравнением, этот «сверчок» пропел такие песни, что чего же больше и куда же дальше. Не понималось лишь, что пропеть такие песни он мог, только будучи гением, «гениальным талантом», по слову Белинского. Но, «будучи гениальным талантом», «гением в высшей степени»,— уже по слову В. Одоевского, он не мог остановиться только на таких песнях.

И бывший друг Кашкин, и гимназические учителя, и семинарская профессура, то есть воронежская интеллигенция, готова была принять и принимала Кольцова в виде купца, прасола, песенника, но не приняла его в качестве интеллигента — поэта. Она готова была допускать все это до определенного предела, но вставала на дыбы, как только такой, ей-то, конечно, известный, предел был преодолен.

«...Здесь я,— пишет летом 1840 года Кольцов,— за писание терплю больше оскорблений, чем снисхождений. Всякий подлец так на меня и лезет: дескать, писаке-то и крылья ощипать. Это меня часто смешит, как какой-нибудь чудак петушится».

Правда, Кольцову всячески старался помочь губернатор Н. И. Лодыгин («если бы не он, давно бы честные люди свернули б уж меня в комок»), но даже губернаторские добрая воля и помощь далеко не всегда могли решить дело. «Вот сцены, которые со мной бывают всякой почти день». И дальше Кольцов представляет эту сцену.

Воронежское уездное училище. Фотография начала XX века.

На нее интересно посмотреть не только как на один из фактов биографии поэта, но и как на один из образцов его уже не поэтического, а драматургического творчества. В сущности, ведь именно так и предлагает сделать сам Кольцов, создавая в своем письме целую драматическую миниатюру с экспозицией и диалогом: «Посмотрите: я проситель-мещанин; честный советник дело мое тянет, как проволоку. Как быть? Подумал и пошел бить челом управляющему: стою, дожидаюсь выхода его знатности. Его знатность изволит выйти, подойти ко мне и удостоили сказать:

— Что ты?
— К вам с просьбою.
— О чем?
— Мое есть дело у вас, другой год контракт не утвержден.
— Контракт не утвержден?
— Да-с.
— А отчего ж это?
— Не знаю.
— Не знаю! то-то, не знаю! Ходите по углам да закоулкам сначала, плутуете, мошенничаете, а как дело — и лезете но мне.
— Н. И., позвольте вам сказать: я ходить по углам ходок самый плохой.
— Знаю я вас, все вы одно поете.
— Посмотрите на дело: мое дело, я уверен, скажет вам обо мне совсем другое.
— Что мне твое дело: у меня есть куча их.
— Дел много, но все ли они одного качества?
— Контракт — и все равно одни.
— Но мой контракт другова рода.
— Отчего ж он не утвержден, когда другова рода?
— Оттого, что другие все утверждены, а мой нет.
— Ты хочешь сказать мне, что ты ходил больше всех по углам, да не успел?
— Точно, с моим делом я был в одном угле, но быть в нем никому не стыдно (т. е. у губернатора).
— Ну, если ты там был, мы опять его туда пошлем.
— Как вам угодно, прощайте.
— Прощай.

Обидно, черт возьми, показалось незаслуженное оскорбление, и такого рода! Грустно стало на душе»,— резюмирует сцену Кольцов.

И эта «сцена» написана, хотя, конечно, уже после «Ревизора», но еще задолго до появления драм Островского. И она переходит в следующую, как бы разворачивается новый акт, очередное действие.

«Время идет, а дело сидит. Стой. Сем, пущусь на спекуляцию. У управляющего я видел человека; он мне немного знаком, пойду к нему, попрошу его: не поговорит ли он ему обо мне.
— Дома?
— У себя-с.
— Доложи, пожалуйста.
— Сейчас, пожалуйте.
— Здравствуй, Кольцов, что ты?
— Вот что, вот что, пожалуйста, помогите.
— Хорошо. Принеси-ка мне свою книжку,— я поеду к нему завтра, передам ее, расскажу о тебе, поговорю о деле. А ты дня через два и ступай к нему прямо,— он сам был попечителем гимназии, науку любит и кой-что знает».

Книжка стихов, очевидно, оказывалась иной раз для Кольцова своеобразным пропуском, служила и делам, была средством представиться. «Да дайте,— пишет Кольцов в Москву,— сему подателю моих книжонок двадцать, я все ими сорю кое-кому». В данном случае «кое-кем» был Н. И., о котором рассказывает в письме В. Ф. Одоевскому Кольцов, т. е. Н. И. Карачинский, управляющий Воронежской палатой государственных имуществ. Одно время он действительно занимал пост попечителя Тамбовской гимназии.

И вот проситель-поэт с книжкой стихов является, предваренный рекомендательным разговором, к «любителю науки»: «Прихожу.
— Что, о деле?
— Да-с.
— Да что, твое дело получено от губернатора, да только он изволил написать немножко щекотливо.
— Мне губернатору нельзя же приказывать, как писать.
— Оно так, только твое дело пойдет в департамент.
— Зачем же, позвольте узнать?
— А вот зачем: губернатор написал щекотливо, так пусть нас департамент разберет.
— Но мое дело не стоит, кажется, посылать, и в нем, сами видите, плутовских штук, как вы называли сначала, совсем нет.
— Положим, и справедливо, положим, и здесь кончить можно, да не хочу, а пусть идет в департамент.
— Скажите ж, для чего его длить, когда его кончить можно здесь?
— А для того, что я хочу здесь все перевернуть кверху ногами.
— Если так, извините, я вас больше и просить ни о чем не смею».

Спрашивается, много ли нужно переменять для того, чтобы эта сцена вошла в драму Сухово-Кобылина, например, в «Дело», или в любую из сатир Щедрина. А ведь все это сороковой год.

Но сцены эти разыграны не в театре, а в жизни. «Вот какого рода пытки,— заключает Кольцов,— я должен испытывать то и дело».

И, хотя эти сцены с Карачинским в своем роде сцены «художественные», художественных преувеличений здесь нет. Недаром, очевидно, сам этот Карачинский будет в 1859 году убит своими крепостными крестьянами.

Нет, не только купеческий быт мог иметь в виду Кольцов, когда писал Белинскому: «С людьми, с которыми живу, никак не сойдусь: они требуют, чего нельзя им дать; чего хочу,— у них нет... И время от времени я с ними все дальше и дальше расхожусь... Ничего не радует, ничего совершенно. Москва! вот когда я постигаю твое блаженство, вот когда я вижу, чем жизнь твоя прекрасна. Но мне не быть счастливым никогда. В Москве мне не жить мне век».

Конечно, Москва — здесь реальный город. Но Москва здесь и явно большее — знак совсем другой жизни, иной, лучшей и высшей, чем любая реальная, хотя бы и московская, жизнь. Отсюда этот, как потом у чеховских трех сестер, вопль: «Москва!». Но, может быть, отсюда же и обреченное, стихотворной строкой прозвучавшее:

«Но мне не быть счастливым никогда.
В Москве мне не жить мне век».

Главное и чуть ли не единственное обаяние и всю прелесть Москвы составлял для Кольцова тогда еще в ней живший Белинский. В отличие от образованного воронежского общества с Белинским-то «общие интересы» обнаруживались все явственнее.

Более того, Кольцов был, наверное, единственным человеком в России, который уже тогда так понял роль, место, сказем сильнее, высокую миссию Белинского в русской жизни: «Апостол вы, а ваша речь — высокая, святая речь убежденья». Был ли хоть один человек во всей России, который мог сказать и сказал бы тогда и так о Белинском?

Окончание следует.

МИМОЛЕТНАЯ ИТАЛИЯ

В. ЕНИШЕРЛОВ

— Помните, еще Муратов в своих знаменитых «Образах Италии» писал...— Мой спутник, мой чичероне, мой добрый итальянский гений — профессор русской литературы из Рима оторвал взгляд от бесконечно однообразной серой ленты автострады и, бесстрашно выдерживая на своем «фиате» скорость 120 километров в час, повернул ко мне курчавую голову,—...писал, что нужно время, чтобы испытать чувство Рима. Оно не появляется в начале римской жизни, но нет никого, кто бы не испытал его после более или менее продолжительного пребывания в «вечном» городе. Я бы расширил эти утверждения на всю Италию. Слишком многое спрессовалось за века на Апеннинском полуострове. И мне бесконечно жаль моих русских друзей, которые, приезжая на несколько дней в Италию, буквально пролетают по ее городам, нарушая тем завет Гоголя, говорившего, что вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить.

Мы вели этот разговор на пути в суровый и мрачный, как его не раз называли, город Падую. В небольшом литературном симпозиуме, в котором мы участвовали, наступил перерыв, и мы воспользовались случаем отринуть от себя проблемы русской литературы и хоть немного посмотреть Италию. Но отвлечься от поэзии не удалось. Профессор из Рима, бесстрашно бросивший свою машину в безумную гонку по автостраде, вдруг заговорил об Ахматовой. Оказалось, что он встречал Анну Андреевну, когда она приезжала в Италию на вручение премии Этна Таормина, много беседовал с ней, бывал в гостях у Ахматовой на ее крохотной дачке в Комарове. Ахматова читала нашему другу варианты своих стихов, немало рассказала о минувшем. Все это жило в памяти профессора, он вдохновенно говорил о великой русской женщине, встречу с которой подарила ему судьба, вспоминал свои переводы ее стихов и тут же их русские тексты. В звонкой певучести итальянской речи мы узнавали знакомые образы и радовались красоте и звучности истинной поэзии, одинаково великой на всех языках.

— Я издал книгу поэм Ахматовой в своих переводах с параллельными русскими текстами,— профессор, как фокусник, не снижая скорости, достал из лежащего на заднем сиденье «дипломата» изящную белую книжечку,— и очень рад, что поэзия Ахматовой пришлась по душе многим итальянцам. Мои студенты пишут о ее творчестве курсовые и дипломные работы, в университетах глубоко изучают поэтику и поэзию Анны Андреевны.

В «хмурую» Падую мы влетели в зенит летнего дня, и, может быть, поэтому не показался город нам ни мрачным, ни суровым. Темные улочки, тихие, залитые солнечным светом площади, узкие каналы, в которых отражается зелень деревьев, наконец, великолепные произведения искусства, скрытые в древних дворцах, музеях и церквах.

— Славу Падуи,— рассказывал наш ученый спутник,— составил её университет. За этими стенами почти в неприкосновенности сохранились аудитории, в которых преподавал математику Галилео Галилей, учились Коперник, Торквато Тассо, драматург Гольдони, поэт Ариосто. Более семи веков отшумело над древним университетом, падуанцы гордятся, что в эпоху Возрождения он стал очагом светской культуры. А однажды появился здесь — это было в начале XVI века — «некий весьма ученый, но бедный юноша, пришедший сюда из дальних стран просить представить степень доктора медицины бесплатно». Это был Георгий Скорина, великий белорусский гуманист и философ.

Прелестны старые улочки Падуи, можно заблудиться в этих живописных переходах, лабиринте галерей, любуясь старыми домами и фасадами дворцов — некоторые из них относятся даже к XII веку. Но мы спешили. В Падуе нам предстояло пробыть всего несколько часов, и наш гид повел нас к городскому саду, где на зеленой лужайке среди блоков античного амфитеатра мы увидели очень простое, благородных пропорций двухэтажное здание — капеллу Скровеньи, или церковь на Арене, ибо стоит она на месте римской арены. Здесь находятся фрески величайшего художника, «отца итальянской живописи» Джотто.

Капелла была пуста. Гулко раздавались под ее сводами слова о шутнике и острослове Джотто ди Бондоне, сыне крестьянина, совершившем переворот (при этом профессор энергично рубанул рукой солнечный луч, прорвавшийся из окна капеллы), настоящий переворот в итальянском искусстве, предвосхитившем Ренессанс, создавшем предпосылки европейского реализма. Огромное впечатление производят фрески Джотто — эпическая поэма, рассказывающая живописным языком историю Марии и Христа. И нас сейчас, как когда-то современников художника, поражает натуральность, я бы сказал, «высокая приземленность» его образов. Знакомые по многим репродукциям фрески Джотто живут совершенно особой жизнью в интерьере маленькой церкви, подчиняясь закону ритма и движения, созданного гениальным итальянцем.

11 марта 1944 года в ста метрах от капеллы Скровеньи разорвалась тяжелая бомба. Она попала прямо в здание другой церкви — Дельи Эремитани, и перестал существовать мировой шедевр — фрески Андреа Мантеньи. Говоря об этом, наш спутник показал на вновь отстроенное здание церкви Дельи Эремитани, а затем рассказал, что реставраторы по мелким кусочкам собрали после войны осыпавшиеся фрески и, смонтировав, что было возможно, на выполненную в натуральную величину фотографию росписей, поместили в возрожденную церковь. Римские реставраторы в Падуе сделали нечто подобное тому, что совершили советские реставраторы Грековы, собравшие из крупиц великие фрески новгородского храма Спаса-на-Ковалеве. Когда мы отъезжали от Падуи, я рассказал спутникам о кропотливой, многолетней работе Грековых, и мы стали сообща вспоминать, сколько бед принесла мировой культуре война. И в Италии и в России погибли замечательные произведения искусства, пострадали, например, великие памятники архитектуры — дворцы под Ленинградом, а в Милане бомба попала в трапезную, где находится «Тайная вечеря» Леонардо, и лишь чудо спасло гениальное произведение.

Наш путь лежал далее в Верону, город Шекспира, музыки Прокофьева, город темных плащей, шпаг, карнавальных масок, город Ромео и Джульетты, сказочный город, который, как казалось издали, и существовал только в гениальной пьесе великого англичанина.

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречают нас событья,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.

Верона — настоящий город-музей, очаровательный и влекущий. Прекрасные, неожиданные внезапности подстерегают здесь на каждом шагу. Еще в XVI веке один поэт сказал просто и точно: «О Верона, кто увидел тебя и не полюбил сразу самой безнадежной любовью, тот, я думаю, не может любить даже самого себя».

— Красиво и справедливо,— резюмировал профессор, остановившись возле очень старого, как бы изъеденного временем здания.— Здесь жил, по преданию, Ромео, это один из старейших домов в Вероне. Он принадлежал семье Монтекки... А теперь мы пойдем к дому прекрасной Джульетты. Небольшой светлый двор со статуей героини Шекспира и знаменитый маленький балкон — все это хранит память о печальнейшей на свете повести.

Перед фигурой Джульетты не могли не вспомниться слова Шекспира, которые звучат в финале его пьесы:

Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

Памятники Вероны, огромного музея под открытым небом, притягивают к себе тысячи туристов, любителей искусства, искусствоведов. Один из наиболее замечательных, Арена ди Верона, грандиозный римский амфитеатр, третий по размерам в Италии, превращен в театр. Здесь выступала великая актриса Элеонора Дузе, теперь каждый год на Арене осуществляются традиционные представления оперы «Аида». Вообще в больших и малых итальянских городах видишь глубоко продуманное функциональное использование древних памятников культуры и истории. Итальянцами накоплен здесь вековой опыт. Включение памятников в новую застройку, тактичная, продуманная реставрация создают в городах совершенно особое настроение, когда, идя по улице, истинно погружаешься в напоенную воздухом истории атмосферу. Старые здания и сооружения как бы концентрируют вокруг себя историко-художественную среду, становясь композиционными центрами районов, улиц, площадей. В Вероне есть площадь, по праву считающаяся одной из красивейших в Италии. Пьяцца Эрбе, замкнутая со всех сторон домами, конечно, прелестнейшая в городе. На площади живет, шумит, дышит типичный итальянский базар с множеством цветов, фруктов, сувениров. Здесь же продают одежду, старые граммофоны, древние карты или подделки под них. Может быть, здесь звенели шпаги в то далекое время, когда поднялись друг на друга две знатные веронские семьи — Монтекки и Капулетти.

Но покой и сегодня только снится веронцам. Многие из них помнят, какой поднялся переполох, когда 17 декабря 1981 года печально известные «красные бригады» похитили в Вероне американского бригадного генерала Джеймса Доузера. Через 42 дня он был освобожден при налете полиции на конспиративную квартиру в Падуе. Недавно в печать просочились сообщения, что обнаружить генерала помогла миланская мафия, и действие в древних городах развертывалось по сценарию изысканного детектива — с преследованиями, гонками в сверхсовременных машинах по автостраде и тому подобное. Да, и так современность вторгается в жизнь старых итальянских городов — и не только знаменитое итальянское бельканто услаждает слух жителей и гостей Италии, но и рев полицейских сирен, грохот выстрелов и взрывов. И, конечно, не случайно на улицах многих городов нам встречались люди в форме, держащие в руках обнаженное оружие. Разгул терроризма в Италии заставляет местные власти все время быть настороже.

От Вероны совсем недалеко до Венеции. Наш спутник хотел обязательно показать нам не парадную Венецию с ее величественными, многажды описанными дворцами на венецианском Невском проспекте — канале Гранде, а Венецию иную — простую, задыхающуюся в массе проблем, которые, неизвестно, возможно ли вообще в принципе решить.

— У вас говорят,— сказал нам профессор,— что ревматизм лижет суставы, а кусает сердце. Так же и в Венеции: ласковая на первый взгляд вода, которая здесь повсюду, казалось бы, безобидно плещется у стен домов и мраморных ступеней дворцов — сколько трудностей создает она для жизни города. В какой-то мере под угрозой само его существование.

Мы давно отошли от Большого канала и затерялись в причудливых улочках Венеции с таинственными переходами, очаровательными горбатыми мостиками, источенными сыростью фасадами жилых домов. В Венеции почти нет зелени, но город так своеобразен, зеленоватая вода ее каналов создает такое умиротворенное настроение, что блуждать по Венеции можно, видимо, бесконечно. Мы и бродили, вспоминая многих наших соотечественников, чье сердце было покорено этим городом, созданным мужественной фантазией и высоким искусством.

— Как-то я попытался собрать все, что написано русскими поэтами о Венеции,— сказал наш спутник,— и неожиданно для себя нашел у Апухтина прекрасные строки, в которых замечательный поэт проник как бы в ее тайное тайн:

Когда больная мысль начнет вникать
В твою судьбу былую глубже, шире,
Она не дожа будет представлять,
Плывущего в короне и порфире.
А пытки, казни, мост Dei Sospiri —
Все, все, на чем страдания печать...
Какие тайны горя и измены
Хранят безмолвно мраморные стены!..

Тайны за мраморными стенами — о «прекрасно умирающей» Венеции, наверное, лучше и не скажешь.

Верона. У дома Джульетты.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Наталья ЮРЬЕВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

КРЕДО

...Операция окончена. Как будто благополучно пока! Можно ожидать осложнений в послеоперационном периоде. Еще бы! Носить такое в себе... Но жить будет.

...Какой бушевал в Профессоре гнев теперь, когда самое тяжкое было уже позади.

Выходя из операционной, зло процедил сквозь зубы:

— Привезли!.. Словно бы из Тмутаракани...

Она еще не видела его после операции. Громкий голос в коридоре. Как будто его голос. Приближается к послеоперационной палате — той, где она, Марина.

— ...Больная на первой койке. Жизнь ее семьи тесно переплелась с жизнью нашей клиники...

«Но это действительно его голос,— удивляется Марина.— Только почему пояснения дает он?»

Она уже привыкла: обычно докладывают ему.

—...Сначала мы оперировали ее мужа по поводу...

«Сейчас я увижу его»,— замирает Марина.

— Больной на второй койке год назад была предложена операция...

Это уже о ней, Марине. Теперь она улавливает гневные ноты в его голосе. Он входит в палату в сопровождении каких-то врачей, по-видимому, приезжих. Глаза их встречаются: его и Марины.

В его глазах действительно гневный упрек — теперь, когда все уже позади. В ее глазах такое безмятежное счастье избавления, что он невольно приостанавливается. Не закончив фразу, резко поворачивается, выходит из палаты. Марина лежит, вспоминает, тихонько плачет...

Утро в послеоперационной палате начинается с обхода дежуривших ночью врачей. Затем приходит сестра из кабинета лечебной физкультуры:

— Сожмите, разожмите кулачки. Подвигайте ногами. Подышите.

Марина отлынивает. Ее соседка по койке, Аня Кокчан, старается.

Марина не может заставить себя есть — через силу выпивает яйцо. Аня заказывает мужу бульон. Говорит Марине:

— Ешь! Нужно, чтобы была сила.

Полное тело ее желтоватого тона. Все мучительные процедуры, выпадающие на ее долю, она переносит молча.

Марина, восстанавливая пропавший после наркоза голос, без конца повторяет: «Т-т-т...» — как бы выталкивая воздух сквозь крепко сжатые зубы — так посоветовал ларинголог.

— Что это: «Т-т...» Скажи лучше: Анэчка!— Кокчан сверкает темными своими восточными глазами.

Обход палатных врачей. Осмотр терапевта. Кто-то еще заглядывает в палату: высокий, в белом халате, кажется, тот, что перед наркозом говорил ей в операционной: «Я здесь!»

— Ну, как ты, Марина?

Марине не нравится его фамильярность.

— Ты не помнишь, я ассистировал при твоей операции.

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

Сестра привозит каталку.

— На перевязку!

Каталка вровень с высокой послеоперационной койкой, на которой лежит Марина.

Перевязочная словно бы та же операционная, только сильно уменьшена. Два стола посредине. Врачи и сестры в марлевых масках. Марину кладут на стол, у нее все сжимается внутри. Так не хочется еще боли...

Протирают разрезанный бок чем-то леденящим. Невыносимо острый запах эфира. Она судорожно закрывает руками нос, рот. Кашляет.

Меняют наклейку — боли нет.

Нянечка успела перестелить постель, сменила намокшую кровью пеленку. Марина лежит, наслаждаясь покоем.

Их уже подготовили ко сну. Вот-вот погасят свет.

Его голос в коридоре. Марина встречает Профессора сияющими глазами.

— Как себя чувствуете?

— Хорошо! Сергей Александрович, можно мне сесть?

Он знает эту обманчивую послеоперационную легкость: кажется, встал — и пошел. Отвечает не сразу:

— Лежать!

...Тихо, темно в палате. Спит Кокчан. Через открытую дверь из коридора падает полоска света от ночника, что на столике дежурной сестры. Через окно виден свет фонаря — он в дальнем конце двора. И каждую ночь Марина боится, что его забудут зажечь.

Марина лежит без сна. Обычно бессонница мучительна. А ей покойно и тихо. Нет воспоминаний. Нет мыслей о будущем. Странное состояние.

Как бы вне времени и пространства. Она не знает, где находится. В послеоперационном отделении. Да. Но где оно в клинике? В каком крыле? На каком этаже? Не знает.

И сколько времени сейчас, не знает. Днем время определяется по приходу врачей, обходам, процедурам, перевязкам... А сейчас, когда на дворе ночь? Вот только звездочка передвинулась из левого угла окна на середину.

Заходит сестра. Все спокойно в палате. Поворачивается, чтобы уйти. Что-то настораживает ее в Марине. Заглядывает в лицо:

— Не спите? Укол вам сделали? Может быть, что-нибудь еще?

Марина качает головой: нет, нет, ничего ей сейчас не нужно.

В перевязочной оживленно. Собрались врачи. Ждут Профессора. Он хотел сам вынуть тампоны из раны у Марины. Это ответственный момент. По тампонам определяется состояние разреза — раны.

Марина лежит на здоровом боку. Рана обнажена.

«Пусть какая угодно боль — не пикну»,— решает Марина. Прячет лицо в пеленку.

Стремительно входит Профессор. И взглянув на Марину:

— Почему это она у нас прячется?!

— Боится?

Марина поворачивает к нему веселый, лукавый глаз. Он командует:

— Валик!

Валик подкладывают под здоровый бок.

— Вдохните поглубже!

Марина старательно втягивает воздух: толчок. Еще толчок. И совсем не больно.

— Сернокислую магнезию!

Врачи рассматривают тампоны, рану. Общее оживление: тампоны не загноились.

Под общее «Ах!» Марина поворачивается почти на спину, протягивает руку назад:

— Сергей Александрович! Где вы?

Он невольно подхватывает ее: пытается повернуть, уложить.

Она же с силой тянет его руку к себе.

— Спасибо!

На Марину кричат:

— С ума сошла! Над открытой раной!

Он молчит. И, помедлив, неожиданно спрашивает:

— Мама ходит?

Марина — басом:

— Ходит. Тайком, без пропуска. Дрожит.

— Пропуск подпишу. Постоянный.

И поддразнивая:

— Да зачем ее вообще-то пускать?

Марина в тон ему:

— Хоть волосы расчешет!

Сестра закладывает в рану тампоны с сернокислой магнезией. Марина стискивает зубы: до чего же нещадно жжет! Долго лежит со страдальческой миной на лице...

7

Возвращая здоровье женщине, он хотел знать, как сложится ее жизнь дальше. Наклонится к перевязочному столу, спросит:

— Муж-то любит?

Ему хотелось, чтобы боль и страдания, через которые проходит она, легко забывались в счастье выздоровления. Так же, как боль и страдания родов тотчас же растворяются в счастье материнства.

Мама проходит по пропуску. Но теперь, уже зная крутой его нрав, все равно старается проскользнуть незаметно. Торопливо взбегает по лестнице. И неожиданно слышит позади его голос.

— Мать! Спешит, как девушка на свидание,— задумчиво говорит он сопровождающим.

В палатах Профессор бывает ежедневно. Зачастую из-под двери его кабинета допоздна пробивается свет: готовится к лекциям. Работает над статьями... А больным спокойно: случись что — он здесь.

Пятые сутки после операции. Профессор приказал встать сегодня. Мать беспомощно суетится вокруг. За дело берется нянечка, тетя Паша.

— У меня рука легкая!

Заводит Марине под спину полотенце. Поплевывает на руки:

— Ну, с богом!

Поднимает. Ноги у Марины ватные. Кажется, вот-вот рухнет. Вся в холодном поту...

Под ободряющими взглядами больных, поддерживаемая матерью, медленно идет к окну.

Первый взгляд за окно: что там, на улице?

...Скольких уже вот так подняла тетя Паша! А все равно берет за сердце. Чтобы не показать, склоняется над половой щеткой:

— Чтой-то «самописка» моя барахлить стала...

Такие минуты — это награда. За все! За бесконечное хождение с суднами. За нескончаемую пыль под койками — влажную тряпку не выпускает из рук. За груды окровавленного белья по утрам. За перебранку с другими, злыми от усталости нянечками...

— Насмотришься тут, как люди за жизнь цепляются,— говорит тетя Паша,— и на свою-то жизнь глядишь по-другому...

В первый раз Марина сама идет за кипятком на кухню с термосом в руках. Одно пле-

Обычная «улочка» Венеции * Собор Сан-Марко в Венеции * Арена ди Верона * Памятник Данте в Вероне.

чо выше, другое ниже. То, что выше, непроизвольно вперед, защищая разрезанный бок.

На Марине большой — не по ней — больничный халат, перехваченный поясом. Кто-то из врачей догоняет ее. С удивлением заглядывает в лицо.

— Сзади вы похожи на бабушку!

Марина глотает слезы обиды:

— А спереди?

— Спереди — несколько лучше.

Набрав кипяток, Марина так же медленно возвращается обратно. Перед ней по коридору бабуля: шарк... шарк... Осторожно, еле передвигает ногами. На голове белый платочек «в капочку». На плечах — пуховый. Когда ей кажется, что никого в коридоре нет, делает гимнастику. Руки вверх. Руки в стороны...

Марина проходит мимо перевязочной. Врач соседней палаты ростом мал. Стоит на подставочке над перевязочным столом. Колдует над раной...

Сердце клиники, операционная, для Марины окутана тайной. Она провела там несколько часов, о которых не помнит ничего, выпали из жизни. Только каждую ночь ей снится один и тот же сон. Она на столе. Над нею склонились люди в белом...

Операционная притягивает Марину к себе. Марина пользуется каждой возможностью заглянуть туда. И вот однажды... Дверь широко распахнута. Сестры сидят кружком. Пересмеиваются. Перед каждой на табурете — тазик. Руки — в тазах. «Неужели бинты стирают? — недоумевает Марина.— В наше время?»

Объясняют: это называется мыться. В специальных растворах дезинфицируют руки положенное число минут.

Одну из операционных сестер Марина давно приметила. По имени Лариса. У нее решительный разлет бровей. Характерная походка: чуть выворачивает наружу носки — так ходят балерины. Или гимнастки.

...Воскресенье. В клинике тихо, спокойно. Марина приходит на кухню за кипятком. За столом, друг против друга, Лариса и тетя Паша. Лариса рассказывает о новогоднем банкете.

— Икры не было. Коньяка не было. Лимонов не было.

Тетя Паша сочувственно:

— Лариса! А хлеба-то вдоволь было?

Марина подсаживается к ним неуверенно. Лариса подбадривает:

— Садись, садись. Спокойное сегодня дежурство. Экстренных операций нет. Я уж и выспалась и начиталась,— что еще?!

— Лариса, расскажи про операции,— просит Марина.— Все, наверное, оперируют по-разному?

— Лучше не спрашивай! Знаю: все хирурги у нас хорошие. А всех ругать буду, все не по мне. Для меня лишь один — Профессор! — И одну за другой называя фамилии:— Этот чересчур осторожен, по-моему. Этот все копается на одном месте. Наркозное время уходит, дальше надо идти, а он обсасывает... Этот бубнит во время операции. Мешает сосредоточиться...

Лариса умолкает. Марина не торопит ее. Обе смотрят в окно — медленно кружится снег.

— Как ты рискнула стать операционной сестрой?

— Как?! — переспрашивает Лариса.

...Однажды при ней на улице машина сбила человека. Кровь. Паника. Кому бы и помочь, как не ей! А она — в обморок. А вот здесь, в операционной, Лариса всегда спокойна. Здесь четкий порядок: на столе больной. Вокруг врачи — так надо.

Она, Лариса, любовно раскладывает инструмент — «накрывает» свой столик.

Команда: «Валик поднять!» Максимально поднимается бок больного. «Стол развалить!» Еще ниже опускаются его голова и ноги. За этими командами она забывает обо всем. Полностью поглощена тем, что происходит на операционном столе. Видит, какой подать инструмент. Безошибочно угадывает, когда ее столик начинает мешать хирургу. Откатывает столик. Возвращает на место. Здесь, на возвышении, рядом с Профессором, она чувствует себя, как на капитанском мостике. Конец смены—при длительных операциях сестры меняются на ходу — застигает ее врасплох.

Лариса бежит за девочкой в садик, а мыслями там, с Профессором. У операционного стола. Не за эту ли беззаветность он и выделяет Ларису среди операционных сестер?

Больше всего она любит лето. Девочка выезжает с садиком за город. Старшая операционная сестра уходит в отпуск — месяца на два за счет накопившихся отгулов. Командует в операционной она, Лариса.

Уговаривает мать — та на пенсии — пойти поработать санитаркой. Стыдит:

— Неужели дочери не поможешь?!

С санитарками плохо. Отдел кадров присылает всего больше проштрафившихся в торговой сети. Чистюли! А тут кровь. Вмиг сбегают...

— ...Этот,— продолжает Лариса,— бубнит, бубнит во время операции. А у Профессора в кабинете на телевизоре еще и радио. Бывает, забудут на пульте выключить. И вдруг его, Профессора, голос: «Ну, разболтались!» «Этот» шепчет: «Звук! Выключайте звук!» А голос Профессора: «Оставить!»

— Лариса, ты гимнастикой занимаешься?

— Был разряд. Поступила в клинику — все забросила.

Задумывается.

— Как тебе объяснить? Я люблю: если уж отдаться чему, то полностью. Так, чтобы без остатка. На тренировках обо всем забывала: только я и движение. Сейчас другое: муж, ребенок. Со временем туго. До тренировок ли?— И подумав:— Сейчас Профессор. Я. И тот, кто на операционном столе. Это главное!

Профессор идет в операционную. Сосредоточенный, отрешенный. Никто не осмелится остановить его в эту минуту. Мыслями он уже у операционного стола: разрез... крючки... Что готовит ему болезнь сегодня?

О чем он думает, занося для разреза скальпель? Больной спокойно спит под наркозом. Сейчас он в полной власти хирурга. В полной? А власть болезни? Это его постоянное, яростное стремление: сохранить человеку жизнь! Не потому ли вторгается он в такие области, куда не решаются вторгаться другие? Не потому ли одним из первых дерзнул на пересадку почки? Если почки отказывают — люди гибнут. Единственное средство спасения — пересадка.

Его опыт, его талант, виртуозность его мастерства помогли ему одержать и эту победу.

8

...По коридору ходит девочка. Неправдоподобно худенькая. Ходит, гордо вскинув голову, раскланиваясь направо, налево с уверенной улыбкой кинозвезды, которую знает каждый.

Проходя мимо Марины, кивнула и ей. Вблизи Марину поразило несоответствие ее круглого полного лица с почти бестелесной фигуркой. Спросила о ней в палате. Сказали:

— Да это же Света. Пять лет живет с чужой почкой. Профессор сделал ей пересадку.

— Почему же она здесь, в клинике?

— Очередное обследование. К тому же сессия. Учится в университете, а живет за городом. Ездить трудно.

— Учится?

— Да! Профессор заставил ее учиться.

— Такое полное лицо у нее!

— От лекарств. Она еще и слышит плохо от этого.

...Для Светы клиника была больше чем дом. Все вещи у нее здесь. Халатик. Тапочки. Платья. Учебники. Косметика...

Она покрывала лицо слоем жидкой пудры, скрывая желтовато-зеленый от болезни и от лекарств оттенок кожи. Подводила глаза. Начесывала волосы. Уходила из клиники на экзамены — худенькой, современной, модной девушкой.

В мир она выходила всегда в приподнятом состоянии. Недомогание, усталость, беспокойные мысли — все оставалось в клинике. Не так уж часто ей удавалось вырываться оттуда.

Непреходящий интерес к окружающему в глазах. Это выделяло ее. На нее обращали внимание. Оглядывались на улице. Вот только бы слышать получше...

...Случилось так, что в клинике одна за другой были сделаны две пересадки почек. Понадобились свободные палаты-изоляторы. Отделение специальной оперативной нефрологии, в котором находилась обычно Света, небольшое. Нескольких человек решили перевести в другое отделение, общее.

— Временно перейдешь туда,— сказал Светлане Профессор.

— Ни за что!

Он и подумать не мог об отпоре с ее стороны.

— Перейдешь сегодня же!

— Чтобы там надо мной смеялись? Нет!

Профессор и Света знали уже характер друг друга — на камень нашла коса...

Света считала так: они как бы из разных миров,— Света и женщины из общего отделения. Лишь некоторые из них, особо тяжелые, те как бы приближаются к ее миру. А мир ее такой призрачный, такой ненадежный, такой прихотливый в выборе — неведомо кому повезет...

Для женщин из общего отделения она, Света, существо не вполне правдоподобное, живущее за счет чужой почки и потому непонятное. Они будут глазеть на нее, бесконечно расспрашивать, прикасаться нечаянно к ее боли.

Как это было накануне. Вдруг перед самым сном ей отчаянно захотелось манной каши. И она отправилась на кухню. (Кухня одна — на общее отделение и на то, особое, в котором Света.) С удовольствием хозяйничала (отвыкла, соскучилась). Разбавляла молоко, сыпала манку. Помешивала. А в это время на кухню за кипятком пришла девчонка из «общего». Ее лет девчонка. Видимо, оперированная. Характерно тянула разрезанный бок.

Что-то спросила, указывая на кастрюлю. Что именно, Света не слышала — поняла, однако, по жесту. Объяснила, что варит кашу. Та сказала что-то еще. Не услышав, Света переспросила. Тогда девчонка, выразительно надув щеки, показала руками: мол, куда тебе еще кашу. Она-то не знала, что лицо у Светы деформировалось от лекарств, которые препятствуют отторжению чужой почки. Конечно же, она хотела лишь пообщаться. И вовсе не собиралась делать ей больно. Но Света, помертвев от обиды, еще улыбалась по инерции. А когда девчонка ушла, вывалила в сердцах злосчастную эту кашу в помойное ведро.

Нет, в общее отделение она не пойдет... Лучше совсем из клиники! Спустилась в гардероб — ни у кого подозрений не вызвала, ей разрешалось гулять. К ней обращались окружающие, что-то ей говорили. Она делала вид, что не замечает,— это тоже было естественно, знали, что плохо слышит. Она понимала, что́ ей хотят сказать. Предостерегают: на улице метель. Погода не для нее.

Но решила по-своему. Оделась. Толково. Поверх шапочки натянула башлычок, аккуратно подобрала под него воротник зимнего пальто. Не хуже других знает, что́ для нее простуда. И ушла.

Первой тревогу подняла гардеробщица: Света не вернулась через час. Через два стало ясно, что не вернется. В клинике забеспокоились. Из-за метели может не увидеть свет зажженных фар, может не услышать приближающейся машины... Как бы не случилось чего! Путь к ней домой неблизкий. Подмосковный город Чехов.

Снарядили нарочного.

Дома Света сказала так: две пересадки. В отделении тесно. Это на несколько дней. Мать видела, что Света расстроена. Догадывалась: не совсем это так, как она говорит. Но, жалея ее, оставила расспросы до утра. Накормила, напоила горячим, уложила в постель. Конечно же, Света по дороге промерзла.

Утром мать сказала, что приезжали из клиники. Беспокоились, как Света добралась до дому. Рассказывая, вопросительно на нее глядела. Разговор этот Света не поддержала. А мать, зная ее характер, не настаивала. Расскажет, когда сама захочет.

Хорошо ли ей, Свете, дома? Дома, словно постоянный укор, здоровенькая сестренка. Почему, почему это все произошло с ней, Светой?!

Здоровье! Почему, обладая им, люди не замечают этого, как не замечают воздуха?

Света очень хорошо помнит то счастливое время, когда была здорова. А потом обрушилась на нее болезнь и сдвинула все в ее жизни...

Света знает: отчим ее жалеет. Но чем ей поможет жалость? Мать? Она, Света, сама жалеет ее. Сколько мать пережила с нею!

Из окна кухни Света замечает похоронную процессию — выносят гроб. Умерла старушка, соседка. И тут же перехватывает на себе обеспокоенный взгляд матери. Обеспокоенный, как бы оберегающий. В ней поднимается чувство, с которым она не может совладать. Убежала в комнату, закрылась, заперлась. Забилась в угол, дрожа. И мысли, мысли снова о том же...

В клинике она счастливая из счастливых. Удачливая из удачливых. В клинике она пример и надежда для тех, кто с ней рядом: для Клавы, для Розы, для Полины.

Профессор дал ей не только жизнь. Заставил ее жить, как все. Заставил ее поступить в университет. Дал ей «круг жизни» — так говорит тетя Паша, нянечка.

Кем она была, когда попала к нему, Профессору? Отчаявшейся от безнадежности девчонкой. Обреченной в свои семнадцать лет...

...Зря она не послушалась, ушла. Не предупредив никого. Никому не сказав.

Профессору доложили: вернулась Света. По тому, как разом отлегло у него от сердца, он понял, что беспокойство за Свету прочно гнездилось в нем эти дни, лишь отодвигаемое повседневностью клиники: сложностью операций, круговоротом судеб. Гнездилось, хоть он не признавался в этом себе и не показывал другим. Мол, ушла, и ушла. Пусть поступает как хочет.

Быть может, поэтому, узнав о ее возвращении, жестко распорядился:

— Без бахил не пускать в клинику.

«Без бахил не пускать»,— передали Светлане.

Это ее-то! Да у нее все вещи здесь! Возвращаясь в клинику, Света вообще переодевалась с ног до головы. При чем тут бахилы? Ну что ж! Она ведь пришла с повинной!

Света натянула бахилы — белые матерчатые мешки — поверх зимних сапог, завязала тесемки.

Обычно ей легко было отгораживаться от окружающих, если не хотелось ни с кем общаться (а не хотелось часто). Все ведь знали, что плохо слышит. Теперь же она улыбалась каждому, кто встречался ей по пути. Сама заговаривала: с нянечками, с сестрами, с врачами... Не без робости вошла в кабинет Профессора. Он предупредил, чтобы первым делом Светлану к нему.

Не без робости вошла она в его кабинет. Но, едва лишь встретив его взгляд на себе, почувствовала, что прощена. Не только. Поняла! Хотя, конечно же, не может он знать такие мелочи (ранящие, повседневные), как история с манной кашей, например.

...Не выдержала. Разрыдалась, уткнувшись ему в плечо.

Сестры суетятся в палатах. Оправляют на больных одеяла, наводят лоск. Предстоит Профессорский обход!

Обход он обычно начинает не сразу. Появится в коридоре. Некоторое время постоит — дает возможность улечься суете. За его спиной молчаливо — «свита»: сопровождающие врачи. Но эти несколько минут нужны и ему, чтобы отключиться. Сосредоточиться. Обход больных — это напряженная работа мысли. Интуиции: врачебной и человеческой. Его слово решающее для палатного врача. И для самого больного.

Профессорский обход. Тишина и сосредоточенное ожидание в палатах...

Обход в палате Марины задерживается у одной из коек. Седая женщина. Левый глаз чуть прищурен. Полностью не может открыть его.

— Больная, сколько вам лет? — обращается к ней Профессор.

— Сорок.

— Почему вы выглядите много старше своих лет?

И больные и «свита» замирают от этой резкости.

Женщина, мучительно покраснев, отвечает не сразу, через силу:

— У меня был парез. Несколько лет назад.

Женщина-врач из «свиты» с облегчением подхватывает, пытаясь сгладить неловкость:

— Да, да! Парез зачастую дает и худшие осложнения...

Не дослушав, он обращается к больной:

— Мне важно знать, не связан ли внешний ваш вид с сегодняшним вашим состоянием.

Это не извинение, нет. В какую форму ни облеки такой вопрос, он все равно ранит. А у него обход. Два этажа больных... Назначены операции — где уж тут искать форму.

У этой больной результаты обследований дают противоречивую картину. И важно определить, отчего она выглядит так. Это ведь может быть и одним из проявлений болезни...

...Плохо Марине. Температура высокая. Держится много дней подряд. Но ей не от этого плохо — к температуре приспосабливаешься. Плохо от безнадежности... Сразу после операции было ведь так легко!

Он наклоняется к Марине:

— Что, миленькая?

А она, размякнув сразу от жалости к себе, тянет со слезами в голосе:

— Сергей Александрович! Эта температура... Я простудилась.

Он — с той же резкостью:

— Нет. Это не простуда. Это гной, ты носила его в себе сверх меры. А может быть, инфильтрат к тому же.— И уверенно:— Гной уйдет. Инфильтрат рассосется — с этим мы справимся. Все будет у тебя хорошо.

Вначале он не говорил этого. От жалости он такого не говорит.

Продолжение следует.

ДРУЗЬЯ ПРИХОДЯТ ИЗ КНИГ

В мудрости изречения, утверждающего, что вернее книги в мире друга нет, скоро убедятся тысячи читателей Азербайджана: в ближайшее время они станут обладателями 50-томного издания «Библиотека шедевров мировой литературы для детей». Серию открывает уже подготовленный первый том, включающий популярные азербайджанские сказки, а также лучшие образцы народной поэзии.

— Мы преследуем цель познакомить читателей на родном их языке с лучшими произведениями русской и зарубежной классики, вошедшими в сокровищницу детской и юношеской литературы,— говорит член коллегии Госкомиздата республики, директор издательства «Гянджлик» А. Ахметова.— Выпуск столь обширного и красочного многотомного собрания сочинений любимых писателей для детворы предпринимаем впервые. Основой для него послужили произведения, выпускаемые на русском языке в популярной «Библиотеке мировой литературы для детей», а дополнили ее наиболее известные сочинения классиков азербайджанской литературы, народного эпоса. Я имею в виду лирику Низами Гянджеви и Мухаммеда Физули, Микаила Мушвига и Самеда Вургуна, разящую сатирическую прозу и поэзию Мамедкулизаде и Сабира, прозу и пьесы азербайджанских писателей разных поколений.

К выпуску «Библиотеки» привлечены лучшие печатники, писатели-переводчики и художники-иллюстраторы.

Г. ПОГОСОВ,
фото автора

Баку.

На снимке: народный художник Азербайджана М. Рахманзаде иллюстрировала азербайджанские народные сказки, вошедшие в первый том «Библиотеки мировой литературы для детей».

ВАТМАН В ОТСТАВКУ?

Каждый, кто когда-либо занимался чертежами, знает: если вкралась ошибка, ее на ватмане уже не исправить. Придется взять новый лист и начать все сначала. Теперь представьте себе, что появилась бумага, с которой можно бесследно удалить нанесенные по ошибке линии и начертить правильные. Можно даже смыть весь чертеж и на том же самом листе сделать новый, потом смыть и его и начертить в третий, в четвертый раз... Скажете, фантастика? Ничуть не бывало. Я видел такую бумагу в Чимкентском политехникуме, видел, как студенты делали учебный чертеж, как затем бесследно смывали его и наносили новый. Преподаватель техникума Владимир Павлович Васильев пояснил:

— Это синтетическая бумага «Контур», а лучше сказать — пленка, выпускаемая Переяславским химзаводом. Наш техникум второй год использует ее для учебных чертежей вместо ватмана. Каждому студенту на целый год нужен лишь один лист пленки, с которой старый чертеж смывается при помощи самого обычного стирального порошка. Вы видели пленку, использованную около тридцати раз. Если же смывку производить специальным раствором, изобретенным чимкентским инженером Петром Яковенко, то такую пленку можно без ущерба для качества использовать двести и более раз...

— Что это дает?

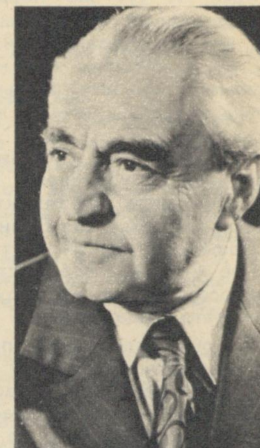
— Давайте посчитаем. На весь курс черчения 450 студентам требуется ватмана на 1200 рублей, а пленки — только на 50 рублей. Выходит, что мы экономим тонну дефицитной бумаги, или, иначе говоря, спасаем от вырубки двадцать — тридцать сосен. Это эффект экономический, но есть еще и учебно-воспитательный. Применение пленки позволяет резко интенсифицировать учебный процесс. Если раньше студенту приходилось брать задание на дом и по многу раз переделывать чертеж, выбрасывая испорченные листы ватмана, то теперь он успевает своевременно и качественно выполнить чертеж на одном экземпляре пленки.

Я выслушал преподавателя и спросил студентов, нравится ли им чертить на пленке. Дружный хор ответил: «Ватман в отставку».

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

ЮБИЛЕЙ В РАБОЧЕМ ПОРЯДКЕ

Семидесятый виток по жизненной орбите сделал Мкртич Корюн (Корюн Григорьевич Мкртчан) — замечательный поэт-сатирик Армении. Как его переводчик я первым взял у юбиляра интервью. Писатель сидел за рабочим столом. Разговор вышел оживленным.

— Известно,— сказал я,— что более пятидесяти твоих книг увидели свет. Не маловато ли?

Мкртич вздохнул.

Следующий вопрос был коварным:

— По преданию, семь городов претендовало на Гомера. И с тобой неясность. «Малышковые» поэты считают тебя своим. Еще бы! Стихи Корюна даже в армянском букваре отыщешь. Но прозаики сошлются на книгу о легендарном Камо. «А пьесы «Вековой дуб», «Чарик и Каджарик»! — воскликнут драматурги. На что сатирики лишь усмехнутся: корюновские басни, сатирические, шутливые миниатюры — давно уже достояние всесоюзное... Так чей же ты на самом деле, Корюн Григорьевич?

Мкртич развел руками.

Мысль собеседника мне понравилась. И я спросил:

— Ты был «фабзайцем» (учеником фабрично-заводского училища), рабочим-ткачом, студентом, в войну солдатом, стал кандидатом педагогических наук.. Какую из своих профессий считаешь главной? Или все они для тебя главные?

Корюн кивнул утвердительно.

Традиционного вопроса о творческих планах я задавать не стал. Судя по стопке бумаги на письменном столе, они были обширными. Просто от себя и огромной армии читателей я сердечно поздравил юбиляра с семидесятилетием, пожелал ему здоровья, бодрости, новых всходов на его творческой ниве. И не стал мешать работе. Ведь, возможно, через минуту у Мкртича родятся стихи. Такие, как те, что вы видите. А может быть, и лучше.

Борис ГАЙКОВИЧ

Мкртич **КОРЮН**

ОШИБКА В ВЫБОРЕ

Всяк выбирает сам себе удел.
И часто выбор
непредусмотрителен:
К примеру, ты —
Бездарный драмодел,
А мог остаться даровитым
зрителем.

ИЗ УЧРЕЖДЕНИЯ — ВОН!

— С подхалимом я неумолим,
Подхалима не держу в конторе я.
Только разгляжу, что подхалим,—
Марш на юг с путевкой санатория!

РЕДКОСТЬ

В лицо сказали —
Редкий, мол, дурак.
Обрадовался: редкий как-никак.

САМООТРАВЛЕНИЕ

Погиб от яда старый клеветник:
Случайно прикусил себе язык.

ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ

Однажды
В знойную полуденную пору,
Кляня злосчастную судьбу,
Селянин некий
Поднимался в гору
С вязанкой дров тяжелых на
горбу.
Изнемогая, молвил он со зла:
— Хоть Смерть скорее бы
пришла...

— Я здесь! —
Сказала Смерть с усмешкой.—
К покою вечному
Шагай за мной, не мешкай!
А Человек в ответ ей: —
Э, прости,
К кончине раньше срока зря
неволишь.
— Зачем же звал?
— Я предлагал всего лишь
Помочь дровишки поднести.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВКА

Частенько работника в винный
подвал
Богач за вином для гостей
посылал.

Спустился и сам по какой-то
нужде.
Глядит — чья-то кружка висит
на гвозде.
Вскричал он: — Откуда посуда
сия?
Работник смиренно ответил: —
Моя.

Я пробую ей, убеждаясь всегда,
Что налита в бочку отнюдь
не вода...

Хозяин бледнеет, он как полотно:
— Грабитель! Транжиришь чужое
вино?!

Велю наперед, пресекая разбой,
Слуге для присмотра спускаться
с тобой!..

Проходит неделя, а может, и пять.
Подвал богатей навещает опять,
Вновь глазом он в сторону бочки
косит —
А там и вторая уж кружка висит...

Перевод с армянского
Бориса ГАЙКОВИЧА.

ЖИЗНЬ ОТСТОЯТЬ — НУЖНО!

Время не терпит, наш долг, друзья, мир защитить и дружбу.

До-ро-го время, нам медлить нельзя, жизнь отсто-ять, жизнь от-сто-ять,

жизнь отсто-ять нуж-но! Жизнь отсто-ять, жизнь отсто-ять,

1. жизнь отсто-ять нуж-но! 2. // вой-ны. Coda

Жизнь отстоять нуж-но!

Стихи Сергея БЕНКЕ

Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Время не терпит — наш долг, друзья,
Мир защитить и дружбу!
Дóрого время — медлить нельзя:
Жизнь отстоять нужно!

Время не терпит — вперед к борьбе
Против кровавой бойни!
Всем на Земле — и мне и тебе —
Горе несут войны!

Время не терпит — чеканьте шаг
В мирных колоннах, люди!
Новой войною грозит нам враг,
Все начеку будем!

Время не терпит — наш долг, друзья,
Мир защитить и дружбу!
Дорого время — медлить нельзя:
Жизнь отстоять нужно!

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Редакцию журнала «Огонек» посетили известный английский писатель, верный друг нашей страны Джеймс Олдридж с супругой. Гости из Англии поделились впечатлениями о пребывании в Советском Союзе. Джеймс Олдридж рассказал о работе над новыми произведениями и своих творческих планах.

Фото А. БОЧИНИНА,
специального корреспондента «Огонька»

Как это часто случается на таких крупнейших спортивных форумах, как чемпионат Европы и мира по хоккею с шайбой, сама жизнь подсказывает ситуации, до которых не могут додуматься самые искушенные знатоки. Мы уже писали, что руководители Международной лиги хоккея с шайбой сделали все возможное и невозможное, чтобы облегчить путь к высшим наградам канадцам и заградить его советским спортсменам. После первого круга команда СССР набрала максимум возможного — 14 очков, а заокеанские профессионалы — лишь 10, сборные ЧССР и Швеции — по 9. Но разрыв в очках, добытый в бескомпромиссной борьбе, был новой, весьма нелепой системой изничтожен. Первая четверка финальную часть чемпионата мира начала с нуля.

Хотел бы я поглядеть на устроителей международного марафонского бега, которые распорядились бы после, скажем, 40 километров всех участников «подравнять» и на последние два с небольшим километра дать новый старт... Канадцам не помогла «протекция». В первом же финальном матче они уступили чехословацким хоккеистам 4 : 5. В конце концов решают не хитро продуманные статуты, а сила команд. Молодая чехословацкая сборная оказалась сильнее канадцев, набранных впопыхах для поездки в Европу.

Казалось бы, путь к высшему пьедесталу почета нашей команде открыт — ведь ее первая встреча с командой Чехословакии закончилась убедительной победой хоккеистов СССР, но на сей раз напряженнейшая встреча традиционных соперников закончилась вничью 1 : 1. Этот исход матча необычайно обострил ход чемпионата. Нашей команде предстояла игра с канадцами, в которой дело могло дойти до счета разницы забитых и пропущенных шайб, а чехословацкие хоккеисты получали реальную возможность завоевать первенство: ведь им предстояла встреча со сборной Швеции, уже не имевшей никаких шансов на призовое место. Канадцы же при создавшейся ситуации, при условии удачной встречи с нами могли рассчитывать на почетный результат.

Но наша команда выиграла решающий матч блестяще, забив в ворота соперников восемь шайб и пропустив лишь две. Таким образом, все стало на свое место: советским хоккеистам были вручены золотые медали, чехословацким — серебряные, канадским — бронзовые. И, как бы подтверждая закономерность этого триумфа, спортивные обозреватели, аккредитованные при чемпионате, ввели в состав символической сборной только советских хоккеистов — В. Третьяка (признанного лучшим вратарем чемпионата), защитников В. Фетисова и А. Касатонова (признанного лучшим защитником чемпионата) и нападающих В. Крутова, И. Ларионова и С. Макарова. Словом, вместе с Третьяком всю первую пятерку нашей сборной.

Об этой ударной пятерке скажу особо: Макаров, Крутов и молодой Ларионов стали самыми результативными снайперами. Эта тройка наращивала мощь от игры к игре. Прекрасно зарекомендовали себя и другие члены нашей команды. Игроки сборной СССР больше всех забили шайб — 54, а Третьяк за 420 минут пропустил всего лишь четыре шайбы.

Еще продолжалось первенство, а уже шел разговор о предстоящих соревнованиях. С докладом Оргкомитета зимней Олимпиады в Сараеве выступил технический директор Игр А. Такач. Он рассказал о готовности Сараева, об условиях олимпийского хоккейного турнира. Первые матчи состоятся 7 февраля — за день до официального открытия Игр.

Дебатируется и регламент чемпионата мира-85. Он пройдет в Праге, во Дворце спорта, рассчитанном на 15 тысяч зрителей. Председатель Союза хоккея ЧССР В. Костка предложил вернуться к системе проведения чемпионата мира 1982 года: после первого круга сильнейшая четверка разыгрывает медали, а остальные команды разъезжаются по домам.

А пока разъехались по домам все участники чемпионата-83,— изучать опыт, полученный ими на льду Дортмунда — Дюссельдорфа — Мюнхена, и готовиться к новым встречам.

Мюнхен.

В. ДВОРЦОВ,
спецкор ТАСС для «Огонька»

Вячеслав Фетисов и Владислав Третьяк с призом за победу на чемпионате мира.

МОЛО

ДЦЫ!

На перерыв.

На льду хоккеисты СССР и Чехословакии.

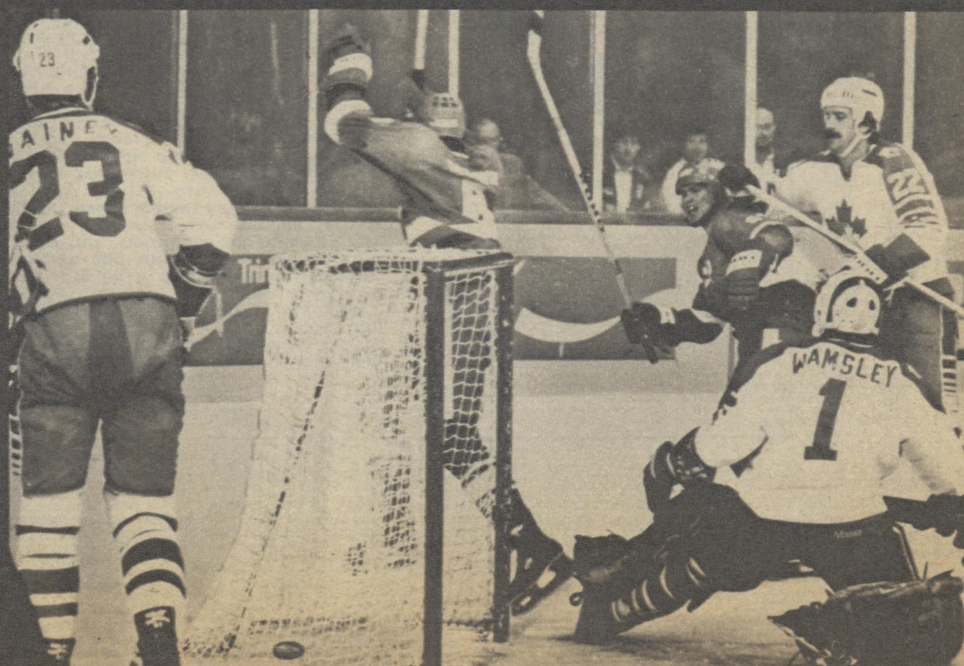

В раздевалке команды СССР перед матчем.

Третьяк и его почитатели.

Решающий матч СССР — Канада. Еще одна шайба в канадских воротах.

Михаил ВЛАДИМОВ — ФЕЛЬЕТОН

ТРОН ДЛЯ МОТА

В ходе выборочной проверки, проведенной финансовыми работниками Молдавской ССР, были вскрыты серьезные нарушения в расходовании средств на оборудование служебных кабинетов в ряде ведомств и организаций республики. Так, Минжилкомхозом за счет средств на капитальные вложения были приобретены комплект «Солист» (усилители, микрофон, динамики) за 4200 рублей, бар «Чаруйник» — за 1000 рублей и т. п.— всего на 16 200 рублей. Минместпром приобрел сверх нормативов для служебных кабинетов четыре ковра стоимостью 4100 рублей. А исполком Старо-Каракушанского сельсовета Бричанского района за отделку служебного кабинета полированной плиткой уплатил 1299 рублей.

Из газет.

Успел чистюлею прослыть
Замнач Игнат Несметов:
Висит табличка «Не сорить!»
У двери кабинета.

А в дверь войдешь — поймешь:
Игнат —
Широкая натура!
Не кабинет, а комбинат
Уюта и культуры!

Какой размах, какой простор:
В полга — ковры, дорожки...
К его услугам стол-престол,
Стул-трон на модной ножке...

Под дуб отделал и орех
Шкафы, панели, стены.
Сменил электро-, и сантех-,
И прочие системы.

Ему ласкают лоб струей
Кондишен-установки...

(А вентиляции простой
В рабочей нет бытовке!)

«Рубин» перед «престолом»
встал
С отличной цветогаммой.
(А общежитье смотрит
«Старт»—
Модели древней самой.)

Вас вызывая на ковер,
Хозяин кабинета
Заводит строгий разговор
О нормативах-сметах.

С трибуны произносит речь
В масштабах всерайонных,
Как нужно каждую беречь
Копейку средств казенных...

А сам развил такую прыть:
Отделал все, как в храме...
К табличке этой — «Не сорить!»
Добавить бы: «...деньгами!»

ЗАМУЧИЛИ

Вячеслав СЫСОЕВ

В последнее время многие стали интересоваться вопросами воспитания. Я про себя отметил эту тенденцию.

Помню, учителя говорили моим родителям: «Сколько ни бьемся с вашим ребенком — и все без толку». Зато теперь меня многие расспрашивают: кто учил, где воспитывался?

Недавно, например, еду в метро. Давка, понятно, не до церемоний, но я терплю... Однако сколько можно! Ну, я и... Тут же интеллигент один, нервный, наверное, спрашивает: «Интересно, кто вас воспитывал?»

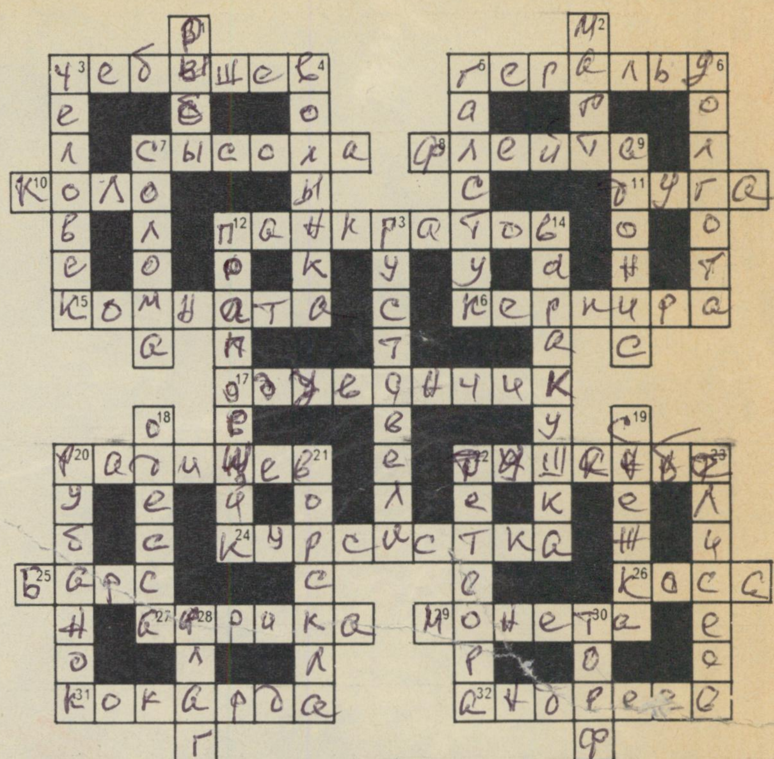
Нашел место для воспоминаний!

На днях в магазине ко мне приставали с таким же вопросом. Опять же не вовремя. Если мне в очереди некогда стоять, то на разговоры и подавно нет времени.

А как-то моим учителям позавидовали. Где это было? Ага, в опере. Когда скучаешь, сами понимаете, пообщаться с кем-то хочется, начинаешь вопросы задавать. Мои соседи несколько раз высказывали сожаление, что не они меня учили.

Конечно, с одной стороны, хорошо, что на тебя внимание обращают: Популярность; а с другой — беспокоят часто.

Юмор

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Русский математик, академик. 5. Остров в Чукотском море. 7. Приток Вычегды. 8. Духовой музыкальный инструмент. 10. Народная пляска в Югославии. 11. Часть окружности. 12. Действующее лицо романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 15. Помещение в квартире, доме. 16. Порт в Греции. 17. Желтый цветок. 20. Русский революционный мыслитель, писатель. 22. Столица союзной республики. 24. Картина Н. А. Ярошенко. 25. Животное семейства кошачьих. 26. Прибрежная узкая намывная полоса суши. 27. Материк. 29. Металлический денежный знак. 31. Значок на форменном головном уборе. 32. Киноактер, народный артист СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Зодиакальное созвездие. 2. Месяц года. 3. Поэма В. В. Маяковского. 4. Народный духовой инструмент. 5. Деталь туалета. 6. Одна из географических координат. 7. Стебли хлебных злаков после обмолота. 9. Малая планета. 12. Воинское звание. 13. Грузинский поэт XII века. 14. Певчая птица. 18. Город-герой. 19. Вершина в Судетах. 20. Столярный инструмент. 21. Приток Днепра. 22. Рассказ А. П. Чехова. 23. Советский летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 28. Полотнище с эмблемой, прикрепленное к древку. 30. Горючее ископаемое.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Поленов. 7. Пантомима. 8. Шест. 10. Роса. 13. Триполи. 16. «Ревизор». 17. Лютиков. 18. Герасимов. 19. Ломоносов. 21. Наречие. 22. Ефремов. 23. Румыния. 26. Барк. 28. Пюре. 29. Поговорка. 30. Баритон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пойнтер. 2. Велосипед. 3. Номинал. 5. Опыт. 6. Гавр. 9. Елизавета. 11. Спидометр. 12. Ветеран. 13. Триммер. 14. Илимпея. 15. Колонок. 20. Крыжовник. 24. Уругвай. 25. Иларион. 27. Купе. 28. Плащ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Семнадцатилетним парнем Алексей Петров был призван в Красную Армию. Шел 1943 год... Окончив кратковременные курсы, он становится наводчиком противотанкового 45 мм орудия. От Курской дуги до Берлина — таков славный боевой путь кавалера ордена Славы трех степеней, а ныне электролитчика жестяно-баночного производства молочноконсервного комбината в селе Ижевском Рязанской области.

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старейший казахский охотник Абляким Сантанкулов из аула Аксай Нарынкольского района Алма-Атинской области готовится к предстоящей охоте.

Фото Н. Рахманова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.04.83. Подписано к печати 04.05.83. А 00665. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1131. Заказ № 470.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

9 МАЯ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Весна Победы,
Май победоносный
Остались в нашем сердце
Навсегда...
Не устрашит
Заморский окрик грозный
Страну свободы,
Мира и труда!

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Бор. Е.-83.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663